

КУРЬЕР

ЯНВАРЬ 1988

ЯПОНИЯ

СЕГОДНЯ

Время жить...

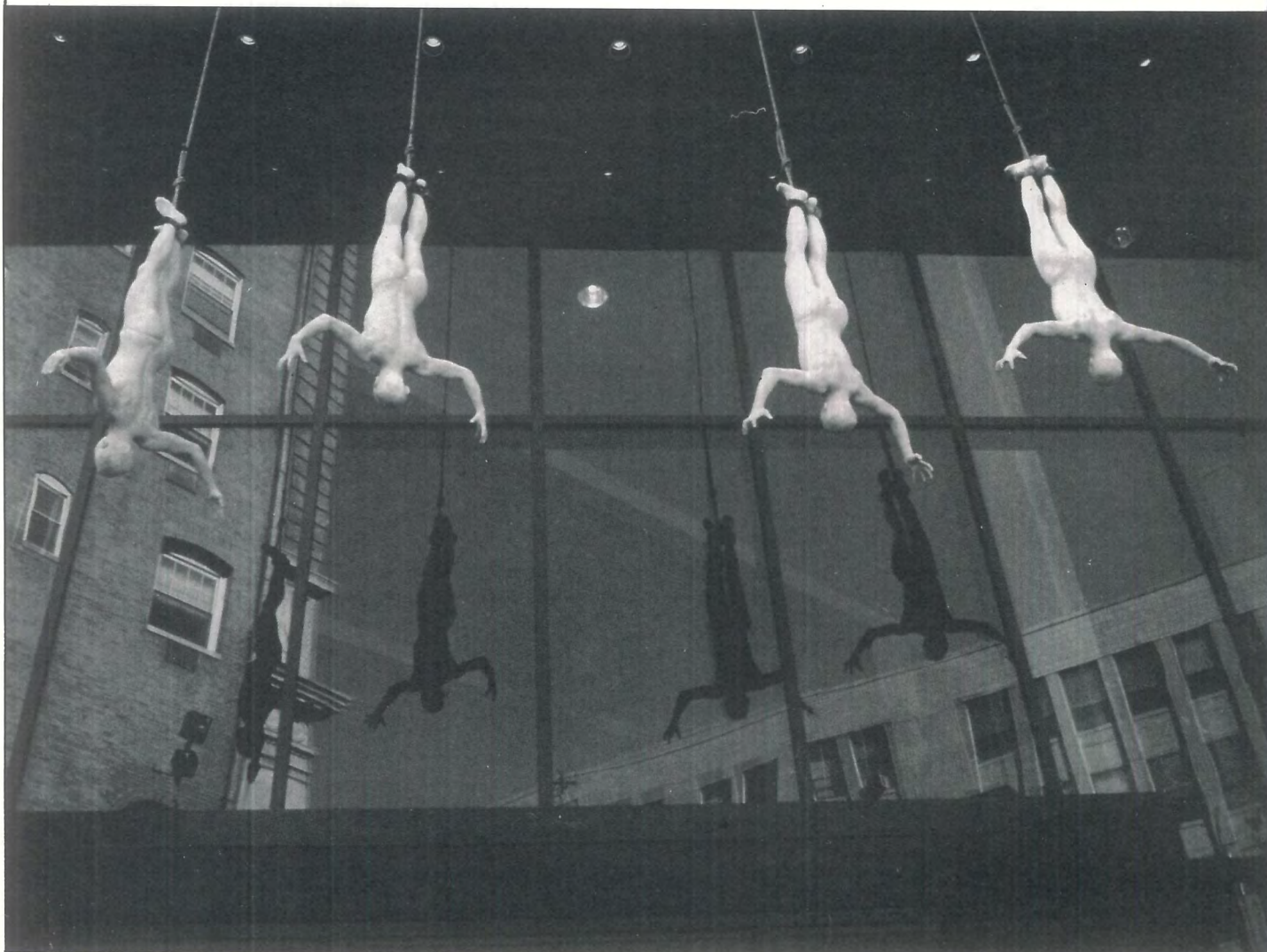

Photo T. Charles Erickson © Rapho, Paris

Танец рождения

Висящие на веревках, словно пауки на своих шелковистых нитях, артисты труппы «Санкай дзюку» исполняют во время гастролей в США танец *буто*, в котором отображается момент рождения человека. Под звуки зловещей фантастической музыки они имитируют движения новорожденного, медленно опускаясь из-под крыши здания на веревках, символизирующих пуповину. Выявляющий истоки танца и самой жизни *буто* признан ведущей хореографической формой в Японии со времени его возникновения в начале 60-х годов нашего века.

Япония

На обложках: коллаж из фотоснимков, рассказывающих о жизни Японии, и композиция из скотканной бумаги, воссоздающая японский флаг, подготовлены специально для этого номера японским художником Адо, который также является автором идеограммы «Япония», помещенной на страницах журнала.

Photos © Ado/The Unesco Courier

«Экспо-70» — всемирная выставка в Осаке — явилась поворотным моментом в истории современной Японии, став символом обновления, процветания страны и утверждения ее положения в мире. Это были годы технических достижений, широкой модернизации и крупных градостроительных проектов. Однако нефтяной кризис 70-х годов приостановил темпы роста японской экономики, потребовал диверсификации производства, усилил индивидуалистические тенденции в обществе.

Вслед за этим началось развитие новых направлений в литературе, изобразительном искусстве, архитектуре и промышленном дизайне. Этот процесс освещался средствами массовой информации, чье могущество заставило говорить об «эре коммуникации». Впитав в себя достижения западной науки и техники, Япония выступает сегодня на международной арене как пионер научной революции конца XX века и вносит заметный вклад во многие сферы творческой деятельности. А проблемы японского города — напоминание о том, что за стремительный рост необходимо платить.

На следующих страницах мы попытаемся дать, хотя и неполную, картину меняющейся страны, устремленной в будущее, и проанализировать культурные факторы, лежащие в основе ее экономических успехов. Наряду с описанием удивительных особенностей Японии, ее общественно-экономической системы, техники и культуры мы постараемся выявить сильные и слабые стороны общей проблемы индустриального роста.

Федерико Майор Сарагоса — новый генеральный директор ЮНЕСКО

7 ноября 1987 г. Генеральная конференция ЮНЕСКО избрала нового генерального директора Организации сроком на 6 лет. Им стал Федерико Майор Сарагоса (Испания), сменивший Амаду-Махтара М'Боу (Сенегал), который занимал этот пост с 1974 г.

Ф. Майор преподавал биохимию в университетах Мадрида и Гранады, в последнем он был также ректором; с 1978 по 1981 г. являлся заместителем генерального директора ЮНЕСКО, а затем министром образования и науки Испании.

Главный редактор Эдуард Глиссан

4

Приметы нового индивидуализма
Масакадзу Ямадзаки

10

Ключ к заветной двери
Гонка за дипломами
Кадзуо Куримото

14

Власть информации
Интервью с Ёдзо Сиодзаки

16

Искусство освещения
Мотоко Исии

18

Вкус цвета
Дзюньитиро Танидзаки

21

Рощи в городе
Огюстен Берк

24

Японский дом
Традиция и современность
Марк Бурдые

26

Гулливер в Японии
Джеймс Киркап

31

Техника за гранью фантастики
Сигэру Кимура

34

Капитализм по Конфуцию
Митио Морисима

38

Западная музыка в Японии
Луиза Футорански

41

**Парижские размышления
о японской литературе**
Токуёси Хираока

44

Два современных писателя
Доминик Пальме

2

Время жить...
Танец рождения (Япония)

Курьер

Окно, открытое в мир

Публикуется ежемесячно на 33 языках ЮНЕСКО — Организацией Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры.
Париж, 75700, Плас Фонтенуа, 7.

Русском
Английском
Французском
Испанском
Немецком
Арабском
Японском
Итальянском
Хинди

Тамили
Иврите
Персидском
Голландском
Португальском
Турецком
Урду
Каталанском
Малайзийском

Корейском
Суахили
Македонском
Хорватско-сербском
Словенском
Сербско-хорватском
Китайском

Болгарском
Греческом
Сингальском
Финском
Шведском
Баскском
Тайском
Вьетнамском

Шрифтом Брайля ежеквартально публикуется подборка статей на английском, французском, испанском и корейском языках.

ISSN 0304—3150

Приметы нового индивидуализма

Государство, предприятие и семья в современной Японии

Справа: счастливая пара в одном из токийских парков. Основные демографические тенденции в Японии последних лет — сокращение рождаемости и старение населения (продолжительность жизни в стране одна из самых высоких в мире). Все меньше времени проводят японцы на работе и дома, разнообразнее становится их жизнь.

Масакадзу Ямадзаки

То, что в истории современной Японии 70-е годы были критическими, возражений, как правило, не вызывает, гораздо труднее определить, в чем же состояло их значение, тем более что предшествующее десятилетие осталось в нашей памяти как время бурных перемен.

Тогда плоды экономического роста лишь начинали вызревать, а сама тема развития волновала как его активных сторонников, так и противников. Все больше ощущалось, что стране удалось оправиться от изоляции, возникшей после поражения во второй мировой войне, что послевоенная эра подошла к концу. На смену ей пришла новая эпоха, выдвинувшая на первый план задачу так называемой интернационализации.

В отличие от 60-х годов, следующее десятилетие прошло без героических лозунгов и не оставило на память о себе никакого крупного праздника или юбилея. В моду вошли рассуждения о «веке неуверенности» («an age of uncertainty») — выражение, заимствованное из названия книги Джона Кеннета Голбрейта.

Меняющийся образ государства

Одним из наиболее характерных признаков того периода явилось падение престижа государства. Конечно, оно не утратило своей роли как действующей политической системы, однако в 70-е годы люди взглянули на него новыми глазами.

На протяжении ста лет модернизации и индустриализации, начавшихся после революции Мэйдзи 1868 г.*, государство воспринималось как ни с чем не сравнимая могущественная сила, определяющая национальные устремления. Модернизация коренным образом изменила у японцев само понятие нации, которое теперь означало не этническую общность, а орудие достижения коллективных целей.

В период модернизации роль государства значительно возросла. Окрепла убежденность в том, что жизнь каждого человека должна служить общенациональным целям. Эти тенденции достигли апогея в 60-е годы, когда Япония по уровню ВВП вышла на второе место в мире среди стран с рыночной экономикой.

Это десятилетие было также отмечено успехами внешней политики. Японию вдохновили переговоры о возвращении Окинавы. Крупными событиями национального и мирового значения явились Олимпийские игры 1964 г. и «Экспо-70». Благодаря телевидению увидеть их смогло множество людей. Это было время, когда поставленные задачи не вызвали сомнений, поскольку четкие цели имело само государство, игравшее ведущую роль в жизни страны.

Однако при глубоком анализе обнаруживается, что японское государство имело возможность действовать столь целеустремленно, с такой настойчивостью добиваясь единой цели, лишь потому, что на мировой арене Япония все

* В середине XIX в. под давлением иностранных держав Японии пришлось отказаться от продолжавшейся двести лет самоизоляции и открыть свои порты для внешней торговли. В 1868 г. была восстановлена сильная государственная власть, символом которой стал император. Это событие — поворотный момент в истории Японии. Столетию революции Мэйдзи был посвящен специальный номер «Курьера ЮНЕСКО» (октябрь—ноябрь 1968 г.).

еще была второстепенной страной. Во времена Мэйдзи, когда Япония оставалась промышленно отсталой, да и в конце 40-х годов, когда она переживала поражение в войне, цель нации — «догнать и перегнать», — кроме самих японцев, мало кого интересовала.

В 60-е годы, когда ВВП Японии достиг известного уровня, страна подошла к невидимому рубежу своего роста. Ее экономика и в дальнейшем делала некоторые успехи, но ждать значительного изменения роли на международной арене не приходилось. Случилось так, что первый нефтяной кризис приостановил экономическое развитие Японии, но мы вправе предположить, что, даже если бы этого не произошло, достигнутые ею в 60-е годы темпы роста были бы сдержаны чем-нибудь другим.

Как ни парадоксально, взлет Японии в 60-е годы в конечном счете оказался причиной ее пассивности в последующее десятилетие. Наиболее серьезным результатом стала утрата государством своего престижа в глазах населения, которое перестало видеть в нем импульс своей повседневной деятельно-

сти, свой жизненный стимул. Из «идейного вдохновителя» государство превратилось в «технического руководителя», стремящегося разрешить бесчисленные мелкие проблемы. Атмосфера праздничности исчезла, настали серые будни.

Ориентация на местные интересы

Конечно, никто тогда не давал себе отчета в возможных последствиях этих перемен. Однако симптоматично, что в конце 70-х годов появилось выражение «эпоха децентрализации». Для населения отдельных районов начали издаваться местные журналы — событие, равноценное революции в издательском деле страны, которое всегда было в высшей степени централизованным. Наряду с этим рос тираж местных газет, увеличивалась молодежная аудитория местных радиостанций. Все это может показаться незначительным, но если вспомнить, что в 60-е годы в области средств массовой информации практически безраздельно господствовало

«Избыток рабочей силы стимулировал развитие сферы услуг, приведшее к усилению концепции потребления без производства». Внизу: токийская биржа, один из основных финансовых центров мира.

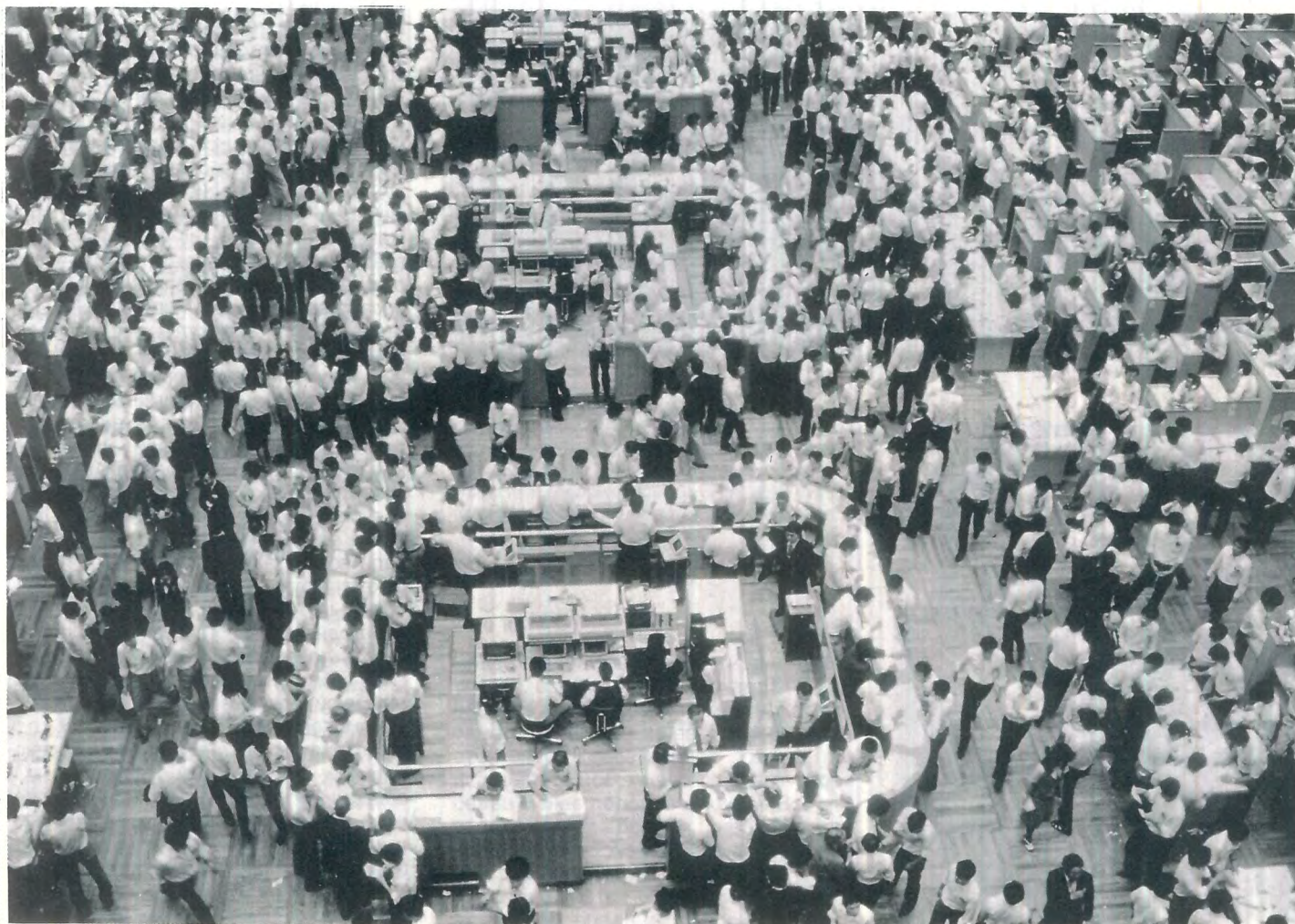

Photo Richard Kalvar © Magnum, Paris

Photo Bruno Barbey © Magnum, Paris

Photo Richard Kalvar © Magnum, Paris

«В 70-е годы постоянно увеличивалось число новых изданий. Расширился выпуск специальной и общеобразовательной литературы...» Японцы очень любят читать и умудряются делать это в любой обстановке. В японском языке существует даже специальное выражение — тати ёми (читать стоя). Внизу: школьник, листавший журналы по компьютерной технике.

Photo Richard Kalvar © Magnum, Paris

«Из «идейного вдохновителя» государство превратилось в «технического руководителя», стремящегося разрешить бесчисленные мелкие проблемы. Атмосфера праздничности исчезла, настали серые будни. Вверху: центр регулирования уличного движения в токийском полицейском управлении. Ежедневно по улицам города проезжает 8 млн. автомобилей.»

центральное телевидение, станет очевидным весьма знаменательный сдвиг в сфере общественных интересов.

Япония семидесятых стала также свидетелем возникновения новых движений, возглавляемых местными властями. Общественные организации, по традиции, формировались на основе политических взглядов и идеологии, отражавших официальную линию государства. Однако эти новые группы оказались гораздо теснее связанными с интересами своих общин. Многие из них действовали в области культуры, занимаясь главным образом вопросами просвещения и организации досуга. Некоторые пошли дальше, объявив своей целью содействие местному развитию посредством создания отраслей «индустрии культуры». Местные колледжи, группы защитников окружающей среды, любительские хоровые коллективы, объединения ремесленников постепенно обрели новое значение, становясь ядром, вокруг которого сплачивались члены общины.

Сегодня на наших глазах формируется среда, позволяющая человеку соотносить себя в повседневной жизни с той или иной группой и одновременно соблюдать определенную дистанцию, отождествлять себя с ней на более рациональной, многозначной основе. Другими словами, отношение людей к повседневной жизни становится более личностным, причем это укореняется повсюду. С этой точки зрения изменение отношения к государству — лишь часть более общей тенденции. В 70-е годы произо-

шел целый ряд других событий, объясняющихся, быть может, исторической случайностью. Все эти перемены (по крайней мере внешне) толкали японцев ко все большему индивидуализму.

Увеличение свободного времени

В одном ряду с государством в современной Японии стоят такие важнейшие институты, как предприятие и семья. За последнее десятилетие они претерпели коренные изменения, хотя этот процесс и протекал спокойно.

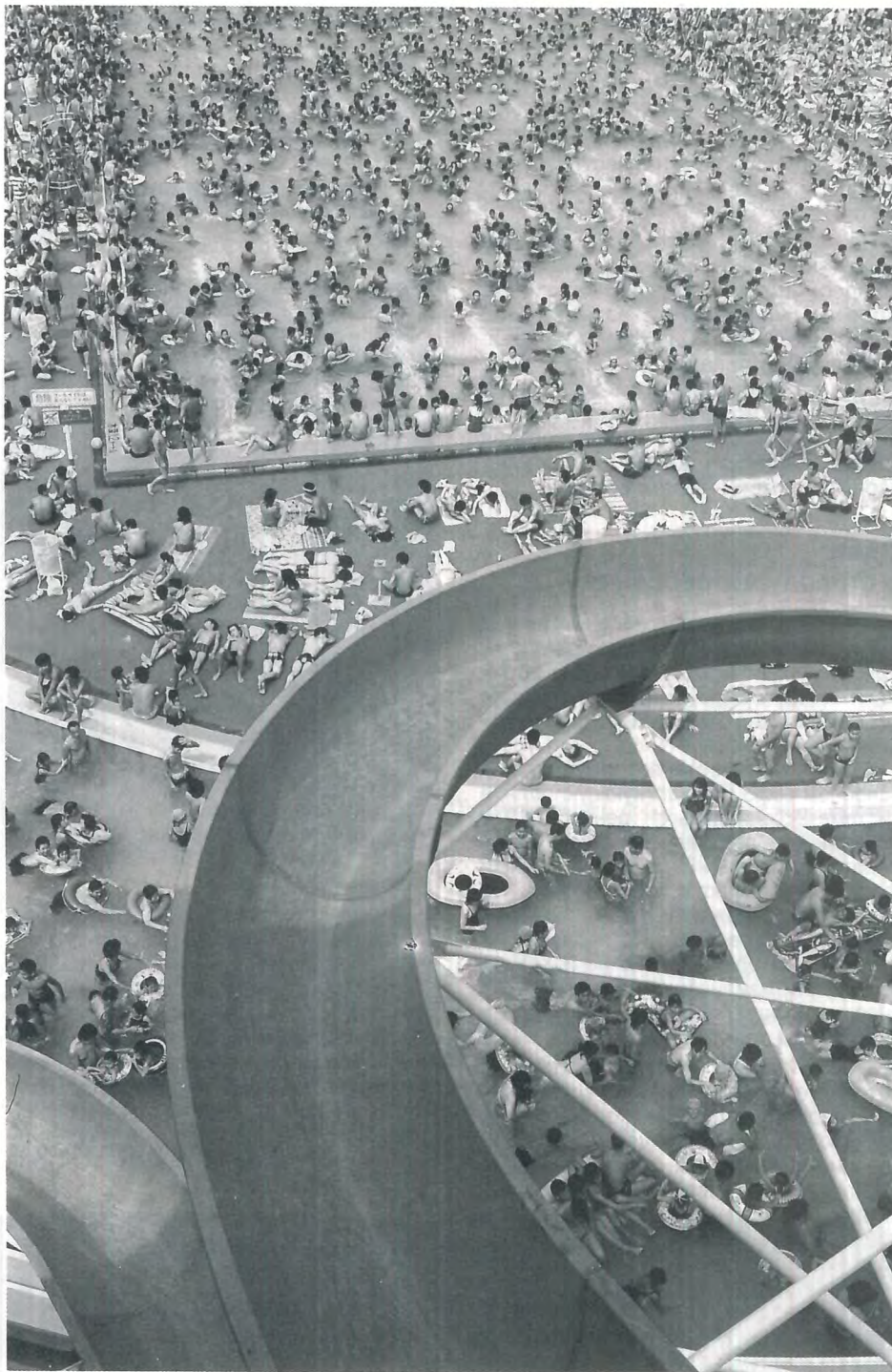
В 70-е годы, чуть ли не впервые со времен революции Мэйдзи, японец стал проводить на работе и в семье меньше времени.

По данным, опубликованным министерством труда, в 1970 г. шестидневная рабочая неделя была у 71,4% работающих. К 1980 г. эта цифра сократилась до 23,7%, что означало трехкратное увеличение числа фирм, предоставлявших своим сотрудникам по крайней мере одну свободную субботу в месяц. Еще более примечательным является пятикратное увеличение числа предприятий, перешедших на пятидневную рабочую неделю. Относящиеся к тому же периоду статистические данные, касающиеся оплачиваемых отпусков, свидетельствуют о сокращении числа фирм, предоставляющих оплачиваемый отпуск продолжительностью от 1 до 14 дней, с 57,7% до 25,1% и о двукратном увеличении числа предприятий, предоставляющих отпуск продолжительностью 15 и более дней.

Для семидесятых было характерно еще одно явление: резкое сокращение количества времени, затрачиваемого замужними женщинами на ведение домашнего хозяйства, и соответственное увеличение их свободного времени. Считают, что основной причиной этого стало широкое распространение в 60-е годы бытовых электроприборов и рост числа детских учреждений. В 70-е годы начали быстро развиваться различные сферы обслуживания, в первую очередь общественное питание, что также сыграло свою роль. К этому же периоду относится и становление нуклеарной семьи как наиболее характерной для японского общества (тенденция наметилась еще после второй мировой войны), а также сокращение рождаемости.

Стареющее население

Старение населения относится к числу наиболее широко обсуждаемых явлений современной Японии. Непосредственным результатом этого процесса можно считать уменьшение относительной роли работы и семьи. К 1976 г. средняя продолжительность жизни в Японии достигла 72 лет у мужчин и 77 у женщин. Эти цифры по-прежнему растут, и сегодня продолжительность жизни в стране одна из самых высоких в мире. Следовательно, мужчина, начинающий трудовую жизнь в 20 лет и заканчивающий ее в 55, проводит в рабочем коллективе

В 70—80-х годах в Японии наблюдалось «трехкратное увеличение числа фирм, предоставлявших своим сотрудникам по крайней мере одну свободную субботу в месяц». Вверху: плавательный бассейн на 30 тыс. человек в парке Коракуэн в центре Токио.

менее половины своей жизни. Точно так же, если женщина рождает первого ребенка в 25 лет, а к моменту, когда у самого младшего из ее детей появляется своя собственная семья, ей исполняется 55, она посвящает своей семье менее половины жизни. Все это предполагает более широкий круг общения, а также увеличение времени для самого себя.

Проблемы, с которыми сталкиваются лица среднего и пожилого воз-

раста, носят индивидуальный характер, их невозможно решить путем принятия каких-либо мер на общественном или государственном уровне. Таким образом, увеличение числа пожилых людей может способствовать формированию общества, отличающегося большим разнообразием взглядов, воззрений, привычек.

Не исключено, что эти перемены дадут начало новым тенденциям. Будь то идеология или мода, мы не думаем, что в них будет существовать одно или несколько главных направлений, оказывающих влияние на всех. Уже сегодня можно говорить о многообразии женской моды и популярной музыки; в отличие от 60-х годов сегодня трудно выделить какие-либо характерные приметы нашего времени.

Сдвиг в сторону потребления

Производство и потребление всегда были двумя сторонами одной медали: одно не может существовать без другого. Тем не менее характер общества всегда определялся уровнем производства.

И хотя производство сохранило в основном свою господствующую роль, в системе социальных ценностей в последнее десятилетие произошли некоторые перемены. Наиболее важным фактором стал рост благосостояния, что нашло свое отражение в появившейся в 60-е годы поговорке: «Потребление — это добродетель». Однако не исключено, что эти изменения тесно связаны с энергетическим кризисом 70-х годов и внедрением электронной техники.

Энергетический кризис приучил потребителя к экономии, но главное — он охладил пыл сторонников массового производства. Раньше целью стимулирования потребления было увеличение производства, теперь же потребителей стали призывать к осмотрительности, дабы излишне не подстегивать производство. Тем временем развитие энергосберегающих отраслей и автоматизация производства с помощью электроники привели к появлению излишка рабочей силы и одновременно позволили выпускать товары, более отвечающие требованиям потребителей. Избыток рабочей силы стимулировал развитие сферы услуг, приведшее к усилению концепции потребления без производства.

Таким образом, 70-е годы стали периодом утверждения социальной ценности потребления. Это уникальное за трехсотлетний период явление сопровождалось изменением психологии потребителя. Он стал, во-первых, выбирать товары в соответствии со своими личными склонностями и, во-вторых, требовать скорее услуг, чем материальных благ.

Ярким примером тому могут служить изменения в книгоиздательском деле. В 70-е годы постоянно увеличивалось число новых изданий. Расширился выпуск специальной и общеобразовательной литературы по таким областям знаний, как философия, общественные и естественные науки, книг малого формата в бумажных обложках. Все это про-

тиворечило утверждениям о падении интереса к чтению и росте невежества. На примере журналов прослеживается общая тенденция к выпуску малыми партиями товаров широкого ассортимента. Это явление — не просто следствие ослабления социальных уз, но и свидетельство того, что у японцев начали складываться ярко выраженные личные вкусы.

Бум «культурного сервиса»

Едва ли не самым примечательным является то обстоятельство, что люди хотят получать услуги в такой области, как культура. Они требуют, чтобы общество относилось к ним иначе, о чем говорит сегодняшний бум в различных отраслях сервиса. Рестораны, гостиницы, бюро путешествий, спортивные клубы, курсы обучения для взрослых, картинные галереи, музеи, театры начинают привлекать все больше людей; то же самое относится к медицинским учреждениям и новым религиям.

Все они служат для удовлетворения не жизненно важных физических потребностей, а запросов интеллектуальных и эмоциональных, составляя сферу «культурных услуг» в самом широком смысле этого слова. Они обретают форму непосредственного, межличностного общения, при котором по мере возможности устраняются механические «посредники».

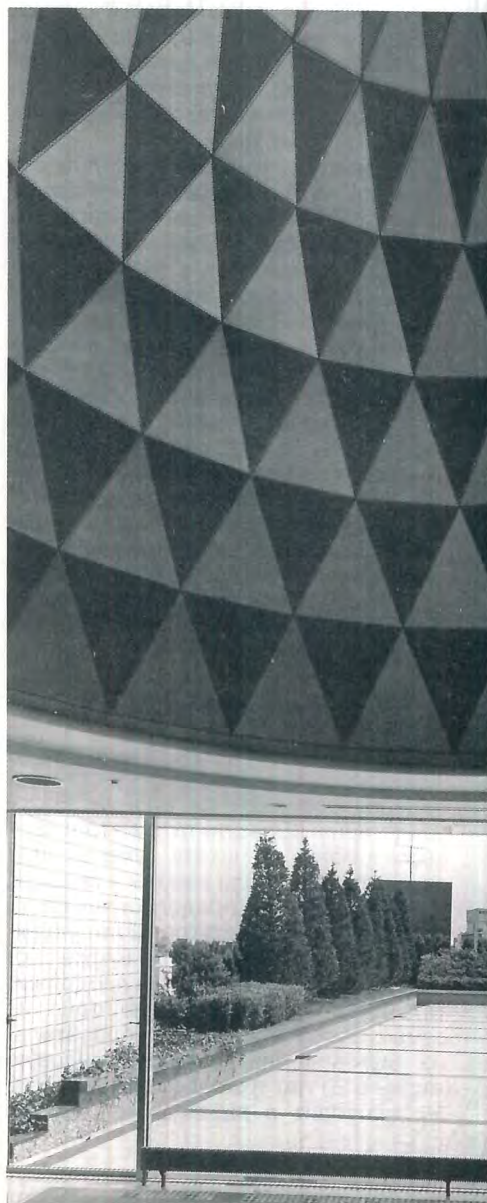
В области искусства, например, распространение репродукций и многотомных художественных серий сопровождается ростом числа людей, интересующихся оригинальными гравюрами. В сфере образования соперниками радио и телевидения становятся публичные лекции в местных колледжах. Этот сдвиг от опосредованного к непосредственному приобщению к культуре может сыграть очень важную роль для ее развития в целом.

Утверждение самобытности

В доиндустриальных обществах большинство населения было лишено элементарных прав; они были «никто». В демократическом промышленно развитом государстве все в теории равноправно, но, поскольку ко всем подходят одинаково, определяющим становится слово «любой».

Однако сегодня многие стремятся к утверждению своей самобытности, и появляются общества, способные реализовать эти устремления. До настоящего времени в Японии эта потребность удовлетворялась в рамках семьи и небольших коллективов, образующихся внутри фирм и предприятий. В глазах своей семьи, в глазах коллег и начальников каждый выглядит личностью. Существует общее мнение, что в Японии группы такого типа более действенны, чем в странах Запада, и играют важную роль в поддержании психологической стабильности и трудолюбия японского народа.

Это справедливо и сегодня. Вряд ли роль семьи и работы станет иной в будущем. Но самоутверждение не может больше ограничиваться лишь этими двумя областями. Люди ищут более

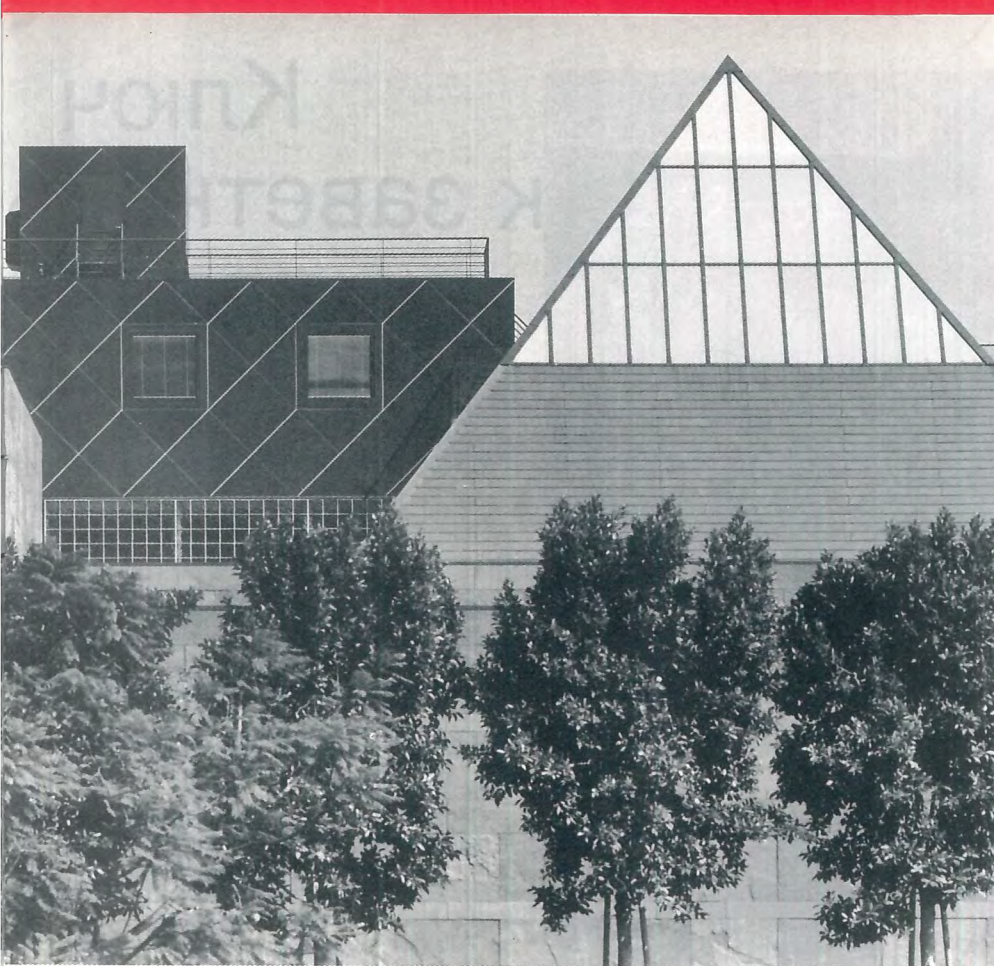

Photo © Taisuke Ogawa / The Japan Architect, Tokyo

широкие возможности реализации своей личности, в масштабах общества в целом. Не исключено, что во многом им помогут сфера «культурных услуг», а также дискуссионные группы и добровольные организации.

В заключение можно сделать вывод, что социальные перемены, начавшиеся в стране в 70-е годы, коренятся в новых устремлениях, связанных с такими понятиями, как личность и индивидуальность. И хотя общая картина еще не до конца ясна, можно все же сказать, что новая концепция индивидуализма будет отличаться от той, которая господствовала в эпоху индустриализации. Возможно, он обретет зрелость, гибкость и эстетическую направленность и не будет похож на узколюбый индивидуализм, проникнутый духом конкуренции и догматизма. ■

МАСАКАДЗУ ЯМАДЗАКИ (Япония) — преподаватель Осакского университета, преподавал также в Колумбийском университете (США). Автор нескольких книг, включая работу о современном искусстве. Эта статья представляет собой сокращенный вариант статьи, напечатанной в августе 1983 г. в японском ежемесячном журнале «Туо Керон».

3

Смелая архитектура

«Люди хотят получать услуги в такой области, как культура... Рестораны, гостиницы, бюро путешествий, спортивные клубы, курсы обучения для взрослых, картинные галереи, музеи, театры начинают привлекать все больше людей». На снимках представлены три образца современной японской архитектуры: 1) Сад на крыше «Спирали», здания, построенного в Токио по проекту Фумихико Маки для компании, производящей одежду. В здании предусмотрены помещения для работы и культурных мероприятий. 2) Городской спортивный зал с параболическими перекрытиями из нержавеющей стали, построенный также по проекту Фумихико Маки в 30 км от Токио. 3) Музей современного искусства в Лос-Анджелесе (США), сооруженный по проекту Араты Исодзакэ, — смелое сочетание архитектурных стилей с использованием геометрических форм.

2

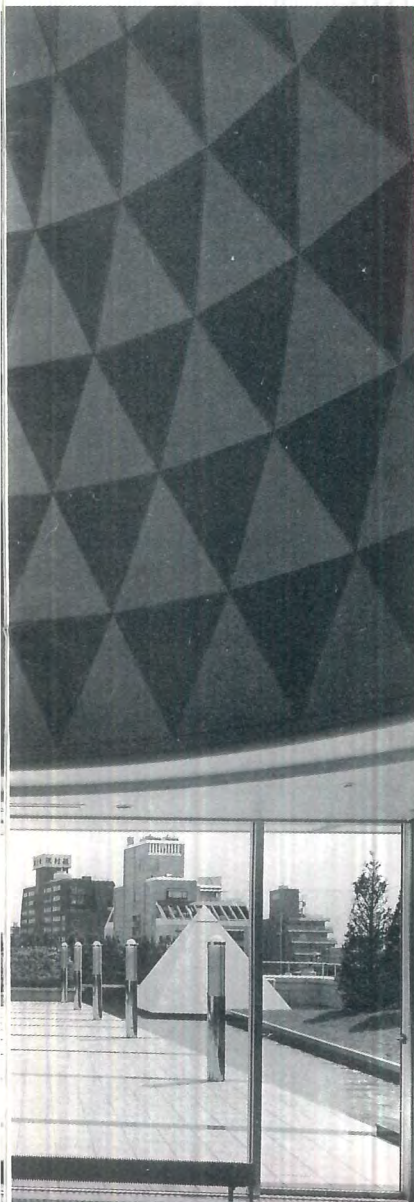
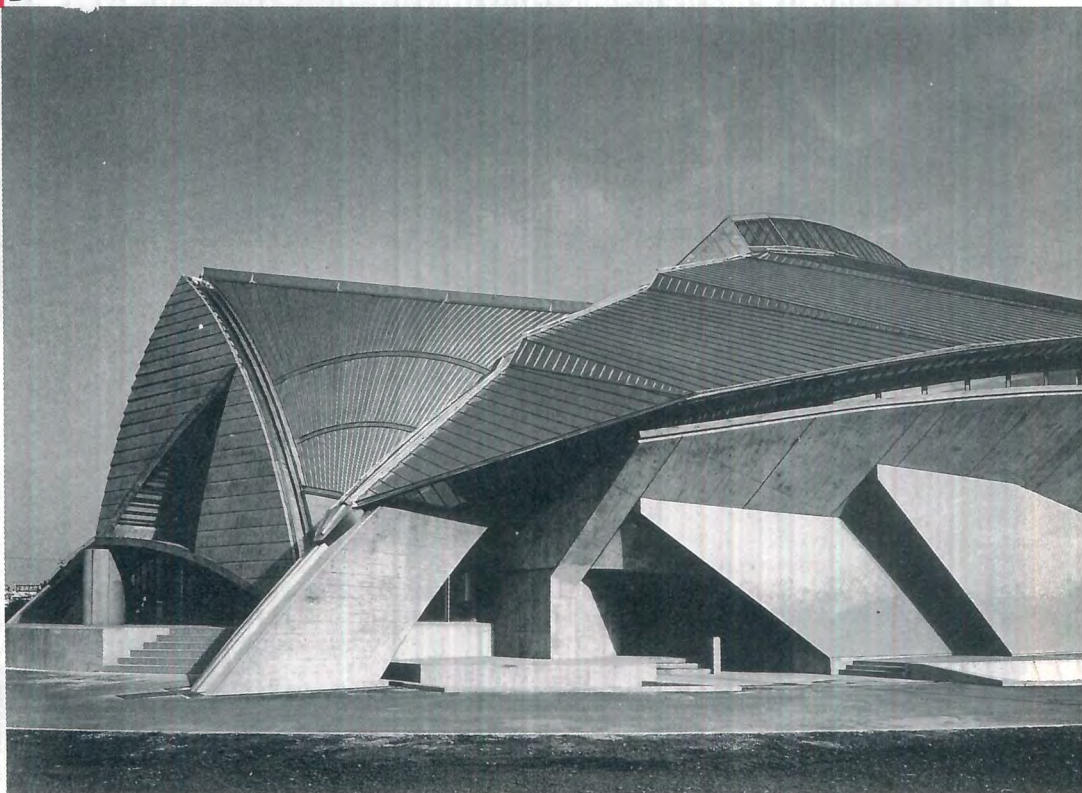

Photo © Taisuke Ogawa / The Japan Architect, Tokyo

Photo © Masao Arai / The Japan Architect, Tokyo

Ключ к заветной двери

Гонка за дипломами

Кадзуо Куримото

На протяжении 70-х годов в Японии бурно развивалась экономика, в результате ее доля в мировом хозяйстве достигла 10%. Многие считают, что большую роль в этом подъеме сыграло образование. Какова же его роль в действительности? В каком состоянии находится японское образование сегодня, какие проблемы встают перед ним?

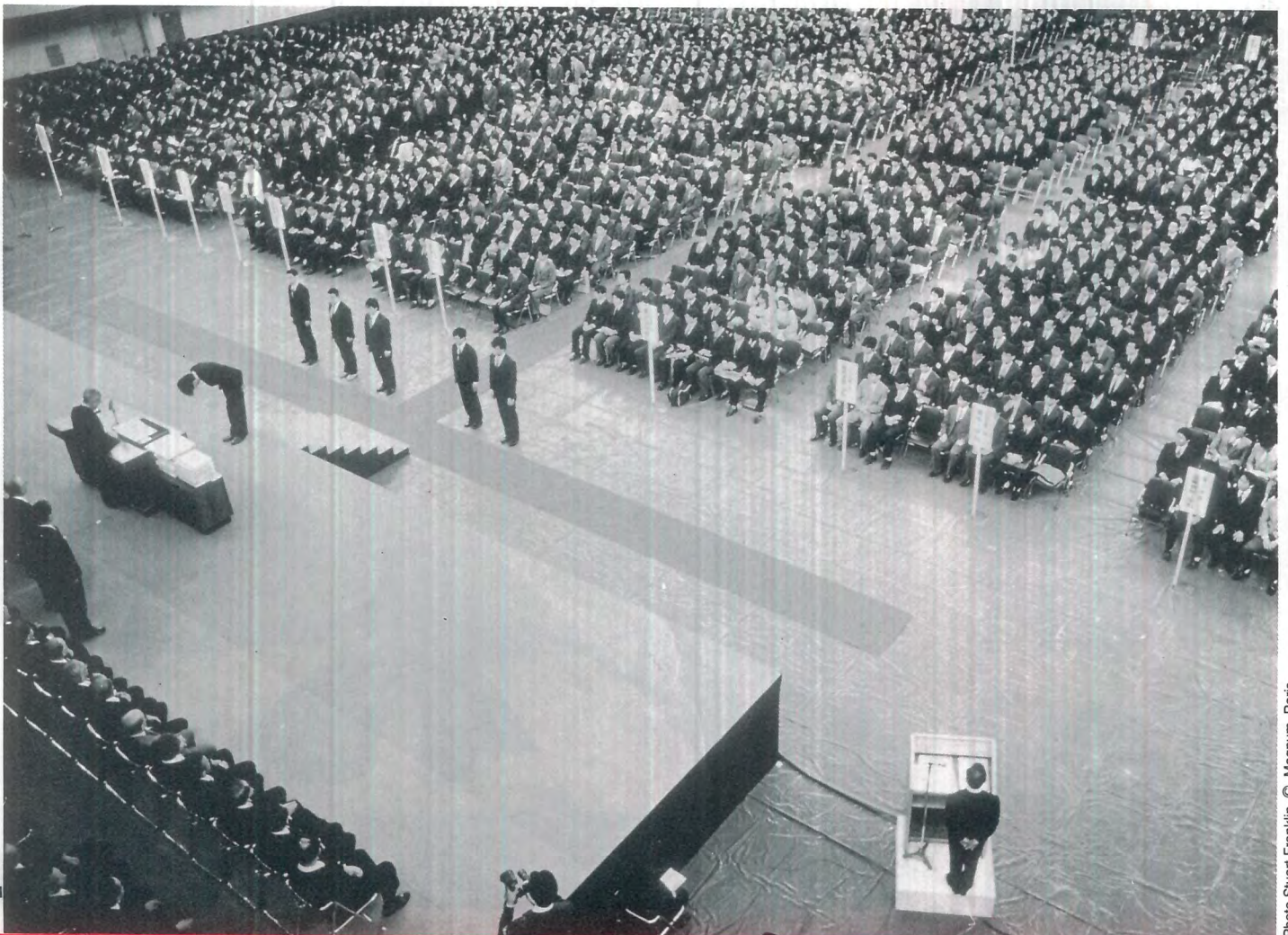
Шестилетнее начальное обучение и первая ступень средней школы (три года) являются в Японии обязательными и бесплатными и охватывают почти 100% детей. Перевод на каждую следующую ступень обучения осуществляется только всем классом, поэтому нет таких явлений, как «перескакива-

ние» одаренных детей через класс, отсеиваются менее способные или второгодничество.

Вторая ступень среднего образования (три года) уже не является обязательной, но тем не менее охватывает около 97% соответствующей возрастной группы.

Пройдя 12-летний курс начальной и средней школы, 36% молодежи продолжает обучение в университетах или колледжах, а 12% получает высшее образование в специальных учебных заведениях. Таким образом, около половины соответствующей возрастной группы поступает в различные высшие учебные заведения, и практически все поступившие их заканчивают.

Внизу: церемония вручения дипломов выпускникам одного из токийских университетов. В Японии действует хорошо развитая система высшего образования, ежегодно готовящая большое число квалифицированных специалистов.

Важным дополнением к официальной системе образования служат частные учебные заведения (дзюку), предлагающие репетиторские услуги школьникам, желающим повысить успеваемость или поступить в университет. Справа: преподаватель отчитывает ученика за плохое знание арифметики.

Photo Richard Kalvar © Magnum, Paris

Примерно половина японской молодежи начинает работать после 12 лет обучения, остальные — после окончания высшей школы. Однако фактически представители обеих групп приобретают специализацию, конкретные профессиональные навыки через систему повышения квалификации на рабочих местах, которую обязательно проходит каждый, кто поступает на предприятие или фирму.

В широком смысле можно даже сказать, что формальное образование дает молодому японцу лишь половину необходимых знаний и навыков. Вторую же половину составляет профессиональная подготовка, которую он обязан пройти самостоятельно или в стенах нанявшего его предприятия.

Повышение квалификации

На японских предприятиях за работником не закрепляются пожизненно одни и те же функции; овладев смежными профессиями и приобретя определенный опыт, он может рассчитывать на получение более сложных заданий, на продвижение по службе. В японских компаниях и фирмах нет найма рабочей силы на время и увольнения за ненадобностью. Здесь придерживаются, как правило, иной практики: каждый год предприятие или организация нанимает определенное число новых работников, занимающих вначале нижнюю ступень служебной лестницы; их сразу же начи-

нают обучать необходимым навыкам или, если это нужно, переводят на другую работу внутри организации. В обеспечении такой учебы главную роль играет предприятие, однако и сами молодые люди заинтересованы в расширении знаний.

Обществу, таким образом, необходимо, чтобы выпускники учебных заведений обладали определенной базой, а также способностями к дальнейшему освоению специальности на рабочем месте. Японцы не считают, что задача школы — выпускать «готовых» специалистов, не нуждающихся в дальнейшем обучении.

Ключ к положению в обществе

В начале 1987 г. был опубликован доклад о результатах совместного японо-американского исследования проблем образования в Японии и США. Японцы изучали ситуацию в США, а американцы — в Японии. В своем анализе американские специалисты отметили следующее:

- В японском обществе престиж образования чрезвычайно высок. Успех в учебе равнозначен здесь успеху в жизни, это единственный путь к повышению социального и материального статуса человека.

- Японская система образования добивается поразительных результатов, которые являются плодом совместных

усилий родителей, учащихся и педагогов. Ее действенность обеспечивается здесь историческими и культурными традициями, тесной связью предприятия и школы, наличием детских дошкольных учреждений, а на уровне начального и среднего обучения — возможностью получать дополнительные знания и навыки вне стен школы.

- Девятилетнее обязательное базовое образование хорошо спланировано и обеспечивает высокое качество знаний. Средний уровень успеваемости и посещаемости в начальной и средней школе очень высок.

- Японская система образования стимулирует учащихся на успешное овладение знаниями, поскольку учит эффективным методам освоения материала, создает способствующую учебной работе атмосферу, помогает комплексному воспитанию личности, ориентирует выпускников средней школы на выбор профессии.

Тем не менее, согласно этим исследованиям, система образования в Японии несовершенна. Ей недостает гибкости, учащиеся практически не имеют возможности выбора, не учитываются их индивидуальные склонности и запросы. С этим связана и еще одна проблема: при найме на работу слишком большое значение придается отметкам в дипломе.

Чем же объясняется интенсивная ориентация японского общества на образование? Почему родители так стремятся

дать его своим детям и даже посылают их после школьных уроков в *дзюку* (частные учебные заведения) на дополнительные занятия? Причину этого, видимо, следует искать в самой структуре японского общества.

Механизм социального отбора

Общепризнано, что в японском обществе не существует этнических различий. Кроме того, вследствие быстрой урбанизации и воздействия средств массовой информации все более сглаживаются региональные несоответствия. Массовое разрушение жилья и средств производства во время второй мировой войны и последовавшая вскоре после нее земельная реформа означали, что восстановление страны нужно было начинать с нуля в условиях, когда имущественное неравенство различных слоев населения стало не столь очевидным. Подавляющее большинство японцев отождествляло себя со «средним» классом.

В обществе, где 120 млн. человек составляют обширную и во многом, несмотря на социальную стратификацию и особенности региональной культуры, однородную группу без выраженных лингвистических или этнических различий, у способного человека есть определенный шанс добиться своей цели. С другой стороны, есть риск не выдержать конкуренции: ведь в случае неудачи падение будет безграничным.

Одним из важнейших факторов, обеспечивающих социальное положение личности в таком обществе, становится образование. Поэтому диплом и престижность учебного заведения обретают огромное значение.

Как отмечалось выше, 97% молодежи заканчивают средние школы, а 48% — поступают в высшие учебные заведения. В Японии насчитывается 5 тыс. средних школ с 4600 тыс. учеников, 500 колледжей с 400 тыс. учащихся и 460 университетов с 1800 тыс. студентов. При столь значительных масштабах

системы среднего и высшего образования работодатели имеют четкую методику подбора кадров, отдавая предпочтение выпускникам определенных учебных заведений. На деле это означает, что выпускников одних высших учебных заведений берут на ту или иную работу с большей готовностью, нежели других, которым автоматически отказывают в поступлении в ведущие компании и другие престижные организации. Фактически уже сами вступительные экзамены в университет представляют собой первую ступень отбора будущих кадров, поскольку от того, в какой именно университет поступит выпускник школы, в основном и зависит его судьба. Вся система обучения в целом служит, таким образом, своего рода механизмом, с помощью которого «сортируется» трудовой потенциал страны.

Частные занятия и курсы

Чтобы лучше подготовить детей к экзаменам, родители стараются определить их в первоклассные средние школы, а для этого, естественно, нужно закончить хорошую начальную школу. Так на каждом этапе усиливается конкуренция. Для того чтобы дети могли пройти всю эту длинную лестницу с хорошими отметками, многие родители определяют их еще и в частные *дзюку*. Сами дети отнюдь не возражают против этого — наоборот, подгоняемые страхом отстать от одноклассников, они с усердием посещают дополнительные занятия.

В государственных школах, как уже говорилось, не бывает ни «перескакивания через классы», ни отсева. При формировании классов не ставится цель отделить более способных от менее способных. Поэтому уровень успеваемости и знаний в пределах классов весьма различен: сильные ученики оказываются недостаточно загруженными, а слабые не поспевают за остальными. Выправление таких диспропорций и способствует система частных уроков в *дзюку*: одаренные удовлетворяют здесь свои

более высокие запросы, овладевая материалом, который может открыть им дорогу в «элитарные» университеты, а отстающие штудируют обычную школьную программу, пытаются ликвидировать пробелы.

Помимо чисто учебных *дзюку*, существуют *дзюку*, обеспечивающие подготовку, не предусмотренную школьной программой: например, овладение искусством счета на соробане или каллиграфии. Имеются также различного рода частные студии, где обучают рисованию, игре на фортепьяно, плаванию. К услугам таких заведений обращаются, конечно, не только ученики начальных и средних школ. В Японии насчитывается сейчас множество самых различных *дзюку*, студий и курсов, посещаемых представителями различных профессий и возрастов: в них рабочие, служащие, студенты в свободное от работы или основных занятий время учатся вождению автомобиля, программированию, бухгалтерскому делу и т. п. Среди молодежи популярны разнообразные курсы, объединяющие любителей не только, скажем, кулинарии, плавания или тенниса, но и традиционных искусств (чайной церемонии, икебаны, различных ремесел).

Курсы и студии такого рода, а также чисто учебные *дзюку* образуют в совокупности традиционную «частную», или неформальную, систему образования. Она живет и развивается как бы самопроизвольно, «за кулисами» формальной школы с ее чрезмерным единообразием, отсутствием свободы выбора, нивелировкой личности.

Современная система образования Японии вынуждает детей отдавать учебе многие часы напряженного труда. В результате они лишаются возможности поиграть, поразмышлять и проверить свои способности вне учебной группы. В погоне за хорошими отметками, составляющей неотъемлемый элемент школьной жизни, искажаются главные цели образования. Поэтому не удивительно, что некоторые не выдерживают жестокой конкуренции и находят выход

Photo Richard Kalvar © Magnum, Paris

Японские компании организуют большое число учебных курсов без отрыва от производства, позволяющие рабочим и служащим овладеть новыми навыками и профессиями. Слева: рабочий, в результате автоматизации потерявший место, проходит переподготовку.

Photo Richard Kalvar © Magnum, Paris

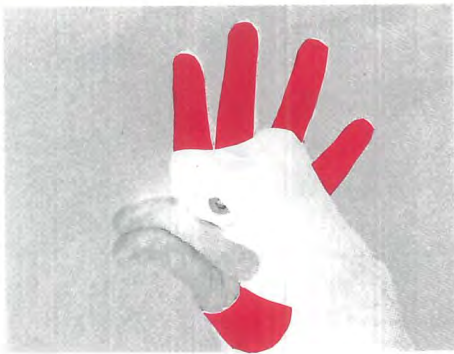
своему разочарованию в агрессии или пассивности. Учителя и родители понимают, что такое образование оказывает пагубное воздействие на умственное, эмоциональное, физическое и социальное развитие детей. Однако система укоренилась так прочно, что шансы на ее изменение пока ничтожны.

Образование стало ныне вопросом большой социальной и политической значимости. Поэтому в стране разрабатывается план третьей реформы в этой сфере, по масштабам сравнимой с введением современной школьной системы в 1872 г. и реформой 1946 г., ставившей своей целью обеспечить равные и более широкие возможности получения образования. Эти планы отвечают нуждам японского общества, которое ныне обретает все более «интернационализованный» характер и все больше ориентируется на развитие информатики. Отвечают они и потребностям экономики, в недрах которой намечается сейчас отход от старой системы стандартизированного массового производства. ■

Поступить в хороший университет, открывающий дорогу к положению в обществе и материальному благополучию, — задача не из легких. Вверху: деревянные таблички с молитвами абитуриентов в одном из токийских храмов.

КАДЗУО КУРИМОТО — сотрудник ЮНЕСКО, специалист по вопросам организации образования.

Интервью с Ёдзо Сиодзаки

Photos © Dentsu Incorporated, Tokyo

Власть информации

Ёдзо Сиодзаки, один из руководителей «Дэнцу Инкорпорейтед», крупнейшего информационного агентства Японии, отвечает на вопросы «Курьера ЮНЕСКО» о роли средств массовой информации в жизни японского общества.

Какое из средств массовой информации является ведущим в современной Японии?

Из четырех средств массовой информации — газеты, журналы, телевидение и радио — наибольшим влиянием пользуется телевидение. В стране действуют два канала, принадлежащие государственной Японской радиовещательной корпорации (Эн-эйч-кей), и пять коммерческих сетей телевидения. Из 39 млн. японских семей 99,7% имеют по крайней мере один телевизор, около которого каждый японец проводит в среднем 3—5 часов в день. Японцы также любят читать: две из пяти центральных газет («Иомиури симбун» и «Асахи симбун») доставляются примерно в 7 млн. семей каждая. Тиражи японских газет одни из самых больших в мире, круг читателей стабилен благодаря широкой подписке. До 70-х годов газеты тяготели к политико-экономической тематике, ориентированной в основном на мужское население, однако в последнее время больше внимания уделяется проблемам быта, вопросам, интересующим женщин, спорту и развлечениям. В Японии также издается свыше 2 тыс. ежемесячных и 70 еженедельных журналов. С появлением телевидения радио оказалось оттесненным на второй план, однако со временем ему удалось отвоювать свои позиции, чему способ-

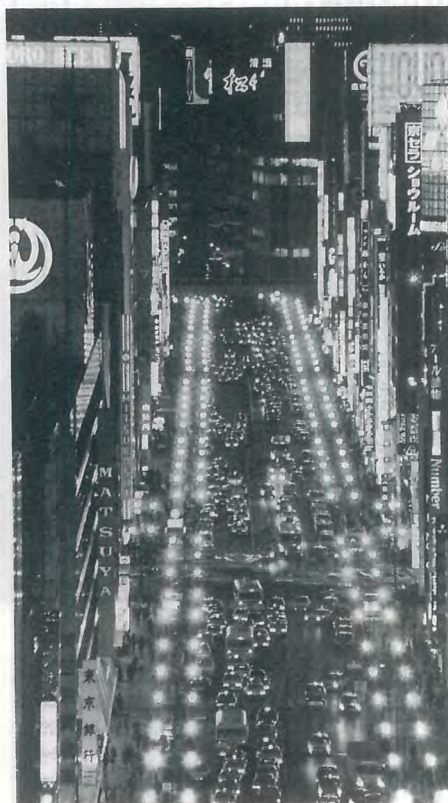

Photo Richard Kalvar © Magnum, Paris

Вверху: два кадра из рекламной ленты, рассказывающей об одновременном выходе в свет в 12 странах энциклопедии животного мира. На Международном фестивале рекламы, проходившем в 1987 г. в Канне, этот фильм был удостоен высшей награды.

Слева: море неоновых огней заливает по ночам токийский квартал Гиндза.

ствовало распространение коммерческих радиостанций, почти половина которых работает круглосуточно, особенно в городах.

Какова роль средств массовой информации в культурной жизни страны?

Она менялась вместе с социальными условиями. Сегодня средства массовой информации формируют общественное мнение и освещают события культурной жизни, например наше информационное агентство выступило одним из главных организаторов токийской Олимпиады 1964 г. и «Экспо-70» в Осаке. Из событий недавнего прошлого можно назвать Международную

выставку 1985 г. в Цукубе, которая финансировалась японским правительством и 28 частными корпорациями. Благодаря широкой рекламе выставку посетило около 20 млн. человек. Они смогли воочию убедиться, что новейшие достижения научнотехнического прогресса сказываются на повседневной жизни каждого человека гораздо больше, чем ему кажется.

Какие еще мероприятия пользуются широкой поддержкой средств массовой информации?

Например, первые официальные соревнования по борьбе сумо, проведенные в 1986 г. за пределами Японии, организатором которых выступила одна из телевещательных сетей. Поскольку этот вид спорта связан у японцев с понятием национальной самобытности, организация этих соревнований вызвала положительные отклики по всей стране. Чуть ли не каждый японец ежедневно смотрит по телевизору поединки, больше похожие на борьбу духа. Аналогичное освещение получают бейсбольные матчи, ведь «Иомиури» фактически является владельцем знаменитой японской бейсбольной команды «Гиганты». Год назад в центре Токио открылся первый в Японии концертный зал для исполнения классической музыки; его строительство финансировала одна из промышленных

фирм. Предметом частного финансирования являются также кино и театр, художественные выставки, публичные лекции, строительство городских скверов и парков, издание литературы, предоставление стипендий, международные обмены. В этой связи можно сказать и о деятельности японских компаний за рубежом. Характерным примером может служить серия мероприятий под общим названием «Япония крупным планом», проводившихся в 1983 г. в Сан-Франциско, в 1985 г. в Лондоне и в 1987 г. в Париже. Их цель — познакомить народы других стран с современной японской культурой.

Удалось ли японцам добиться гармоничного сочетания ценностей западной культуры и национальных традиций?

В целом да. После второй мировой войны Японии пришлось многому учиться у западных стран, в первую очередь у США, в таких областях, как образование, культура, бизнес и т. д. Сейчас дела явно обстоят иначе. Японцы стремятся выразить свою самобытность в культуре, моде и многом другом, и у меня складывается впечатление, что наши национальные ценности уже начинают сами влиять на Запад. Возможно, до сих пор японцы уделяли чересчур

много внимания экономике, стремясь увеличить ВВП, произвести еще больше товаров и т. д., однако теперь, для того чтобы полностью реализовать свои возможности, необходимо переключить внимание с экономических проблем на культурные. Идет радикальная переоценка образа жизни, ставятся под вопрос накопительство и потребление как единственные источники счастья.

Считаете ли Вы, что Япония сегодня является наиболее развитым в коммуникационном плане обществом?

С технической точки зрения, если взять тираж газет и журналов, число телезрителей, количество телефонов и компьютеров, Япония ничем не отличается от таких стран, как, скажем, США. Однако при этом Япония только приступила к денационализации своих телекоммуникаций, здесь есть

еще много возможностей для самой различной деятельности. Наша компания, например, в настоящее время работает над созданием современного программного обеспечения для кабельного и спутникового телевидения. В этом году мы также открыли новый филиал — Институт по изучению человеческих ресурсов, одной из задач которого станет «поиск японской самобытности». Недавно на эту тему был проведен симпозиум, аналогичные мероприятия планируются и на будущее. Мировое сообщество готово совершить гигантский скачок вперед. Быть может, японцы первыми поняли это, начав подготовку к этим переменам. Образно говоря, сегодня в их руках зеркало, в котором мир может увидеть лицо XXI века. ■

Слева: ёкодзуна (чемпион по борьбе сумо). Этот древний японский спорт, зародившийся, как считают, около 2 тыс. лет назад, тесно связан с синтоизмом. Сегодня сумо — популярнейшее развлечение. Несколько сотен борцов зарабатывают себе на жизнь участием в соревнованиях. Ежегодно проводится шесть крупных чемпионатов, собирающих огромное число зрителей. Поединки борцов транслируются по телевидению.

Герои японского мультфильма «Слезь с дерева, Бунна», созданного к 30-летию вступления Японии в ООН (1956). Сценарий фильма написан известным японским писателем Цутому Минаками. В нем рассказывается о том, как лягушонок Бунна познает взаимосвязь всех живых существ.

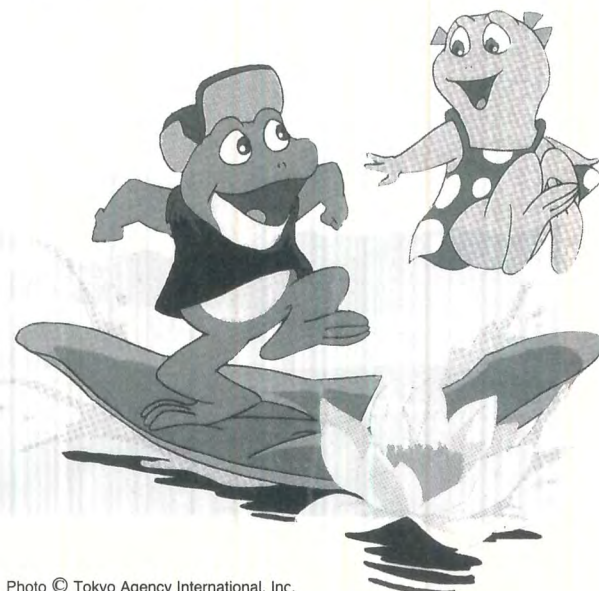
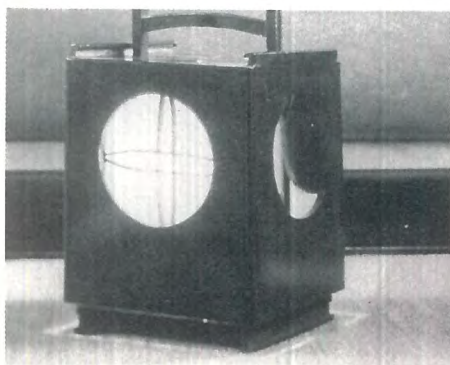

Photo Richard Kalvar © Magnum, Paris

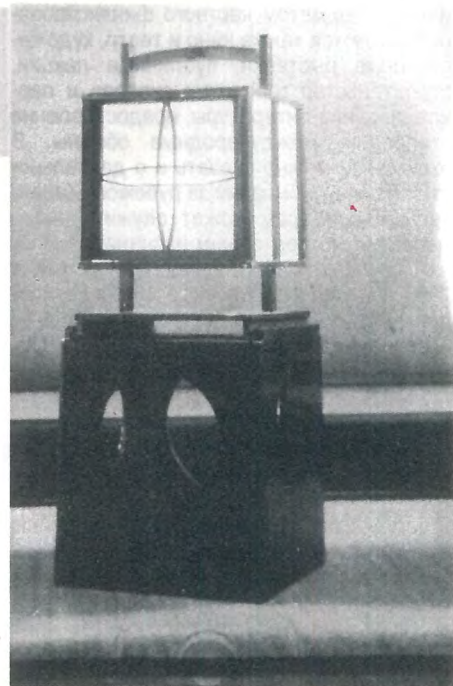
Искусство освещения

Вверху и справа: традиционный фонарь эпохи Эдо (XVII—XIX вв.), известный под названием ариакэ (ночной фонарь). Дословно ариакэ переводится как бледная луна на предрассветном небосклоне, а в переносном значении — рассвет.

Мотоко Исии

В незапамятные времена в Японии появились бумажные светильники поразительной красоты. Благодаря бумажному абажуру свет от горящей свечи или масла равномерно рассеивался во всех направлениях. В период Эдо (1603—1867) были изобретены и получили широкое распространение *тётин* — складные фонари с бумажным абажуром, натя-

нутым на бамбуковую раму, и *андон* — стоячие светильники, тоже с бумажным абажуром, но натянутым на раму из узких деревянных планок.

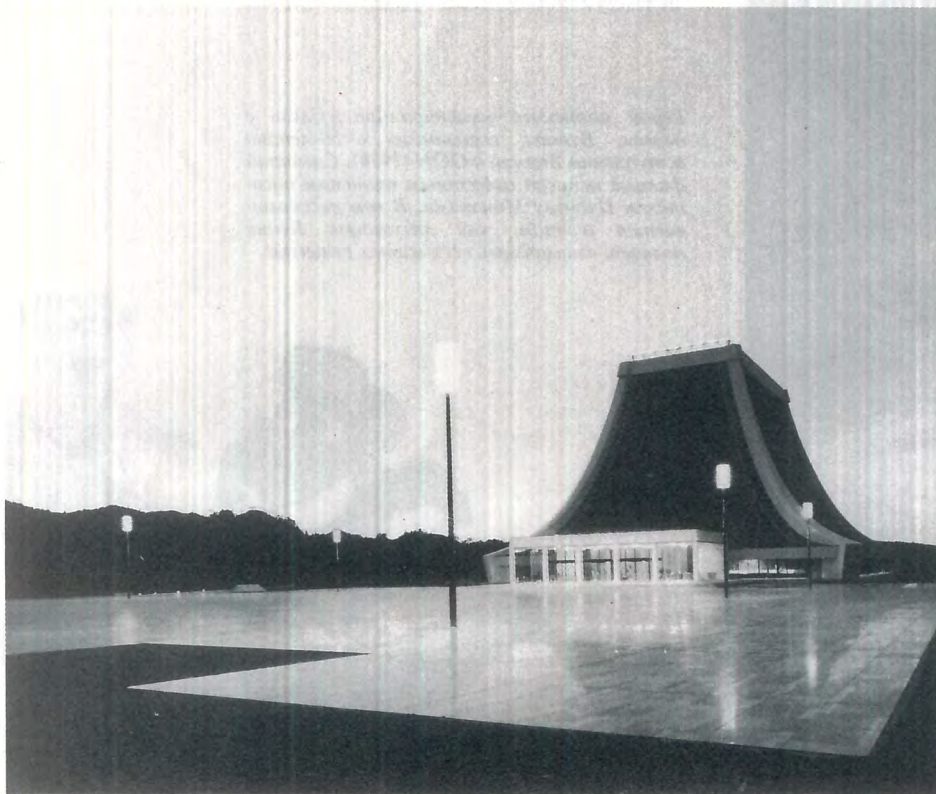
Конструкция многих традиционных светильников отличается большой выдумкой и красотой; например, переносной *Одавара тётин** можно было складывать, чтобы он не занимал много места в багаже; интенсивность света *ариакэ-андон* (ночника) можно было уменьшить, надев на него деревянный куб с прорезанными в стенках отверстиями в виде полумесяца; *цудзи-андон* (фонарь на перекрестках) помогал ночным прохожим не сбиться с пути.

Не только в Японии, но и в других странах Дальнего Востока, таких, как Китай и Корея, лунный свет издавна притягивал людей. В полнолуние они собирались вместе, чтобы, выпив саке, прославить красоту луны; замечательные стихотворные описания этого обычая сохранились в Японии и Китае. Думается, именно любви к лунному свету и обязаны своим появлением прекрасные светильники периода Эдо.

Во времена Мэйдзи (1868—1912) с наступлением западной цивилизации появились газовые и электрические фонари. Многие были просто потрясены ярким светом дуговых ламп, впервые появившихся в знаменитом районе Токио Гиндза; это событие было запечатлено на *укиё-э* — гравюрах того времени. С конца 80-х годов прошлого века электрическое освещение стало быстро распространяться по всей стране, но это было дорогое удовольствие, и в большинстве домов в каждой комнате висело только по одной электрической лампочке. Масляные переносные светильники периода Эдо исчезли, и еще долгое время бытовало правило «одна комната — одна лампа».

После второй мировой войны в области освещения в Японии появились новшества. Светомаскировка военных лет, постоянные воздушные

В Японии много синтоистских и буддийских сект. Внизу: святилище синтоистской секты Синдзи Сюмэйкай в Сиге. Освещение создает неповторимую атмосферу, подчеркивая величественность храма.

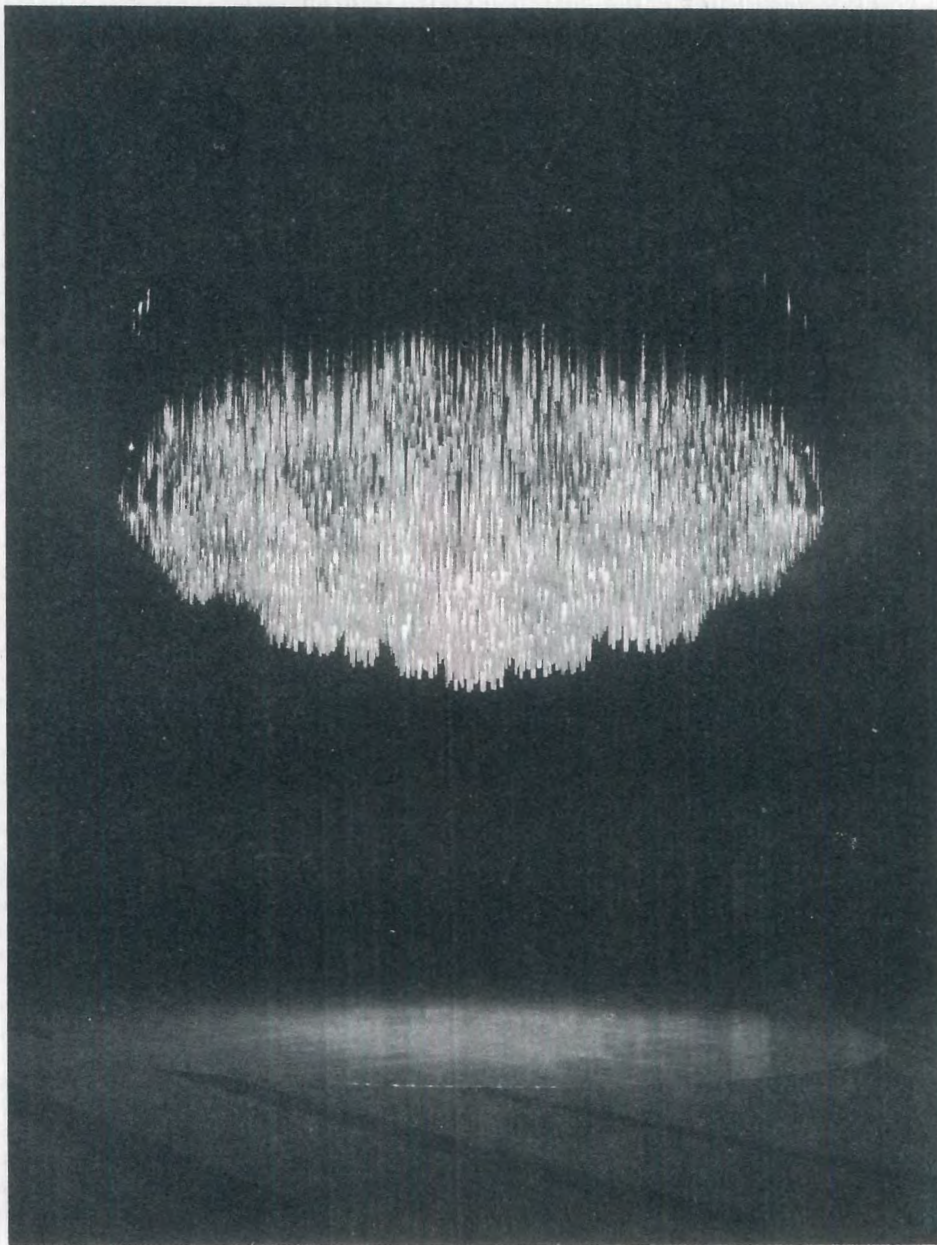
налеты, нехватка продовольствия и других товаров вынуждали людей жить в физической и духовной темноте. Яркие лампы дневного света, производство которых началось вскоре после войны, стали для японцев символом мира.

Первоначально их использовали на восстанавливавшихся промышленных предприятиях, затем в 50-е годы они появились и в жилых помещениях. Число семей, пользовавшихся таким освещением в *тянома* (столовая-гостиная), постоянно росло; именно в этот период были созданы светильники в форме кольца («Circline»). Этот типично японский вариант трубки дневного света до сих пор находит широкое применение.

Распространение ламп дневного света позволило улучшить освещенность учреждений, промышленных предприятий, вокзалов, банков и других общественных зданий, довести ее до уровня мировых стандартов. Специалисты стремились создать бестеневое пространство с ярким сбалансированным светом. В этом им помогали промышленность, стремившаяся в первую очередь к увеличению производства, и архитекторы.

Вторая волна нововведений пришла в 70-е годы благодаря состоявшейся в Осаке всемирной выставке «Экспо-70». В районе Сэнри в пригороде Осаки на площади 351 га было сооружено 85 павильонов. В выставке приняло участие 77 стран, число посетителей было поистине огромным — около 64 млн. Одной из отличительных черт «Экспо-70» была ночная иллюминация.

Мне было поручено разработать проект освещения пяти объектов выставки — Павильона электроэнергетики, Галереи искусств, Павильона Такара, крыши Жилой капсулы в «Зоне символов» и Японского сада. Я предложила отказаться от преобладавшего в Японии однообразного яркого света и использовать концепцию «оживленного» пространства с

Photos © Motoo Ishii, Tokyo

умеренным освещением и игрой света и тени, что способствовало бы более органичному соединению человека и архитектуры.

Что касается Павильона электроэнергетики, то здесь предусматривалось использование различных типов освещения, эффекта мерцания и изменения силы света. В Галерее искусств вмонтированные в глазурированное обрамление большого фойе прозрачные лампы создавали эффект «бегущей волны». В Японском саду, напротив, мы стремились создать ровное, спокойное освещение. Таким образом, были разработаны новые, экспериментальные формы сочетания света и архитектуры, многие из которых в дальнейшем нашли широкое применение.

Осветительные приборы играют не только функциональную роль, они источник красоты и радости, о чем свидетельствует их всевозрастающее эстетическое значение в Японии. Вместе с такими ведущими архитекторами, как Кэндзо Тангэ, Есинобу Асивара и Киёнори Кикутакэ, я принимала участие в разработке проектов различных зданий, в том числе гостиниц,

Эта люстра диаметром 6 м, созданная в 1976 г. для одной из страховых компаний, сделана из специально обработанных алюминиевых пластин, крошечных лампочек, ртутных светильников и ламп дневного света. Яркость освещения можно регулировать, что позволяет не только добиваться эстетического эффекта, но и экономить электроэнергию.

* Одавара — город, расположенный в префектуре Канагава в 80 км от Токио. Эта лампа была изобретена в XVI в. жителем Одавара Дзиндзаэмом.

театров, посольств и коммерческих предприятий.

В середине 70-х годов японская экономика, которая после «Экспо-70» некоторое время оставалась стабильной, почувствовала на себе последствия резкого повышения цен на нефть. Энергетический кризис коснулся и светотехники. Роскошные люстры были отключены, потребление электричества сведено до минимума. Погасли даже неоновые огни в районе Гиндза. Для людей моей профессии наступили тяжелые времена.

Однако к концу десятилетия Японии удалось оправиться. И хотя энергию по-прежнему приходилось экономить, магазины и учреждения вновь засияли яркими огнями. На смену неэкономичным лампам накаливания пришли холоднокатодные и неоновые лампы, приобретавшие все большую популярность.

В 80-е годы утвердилась концепция сбалансированного, гармоничного освещения. Наметилась тенденция к увеличению числа зданий, нуждающихся в особом свете. Речь, в частности, идет о культовых сооружениях.

В 1983 г. в Сиге завершилось создание Священного сада синтоистской секты Синдзи Сюмэйкай. В центре его находится святилище основателя секты. Зал высотой 40 м освещается источниками рассеянного света (в основном скрытыми), создающими атмосферу торжественности и общего благоговения. В данном случае освещение играет ту же роль, что и температура воздуха и соответствующий уровень влажности.

Вечером, во время церемонии открытия, на площади перед святилищем мы устроили «лазерное шоу». Лазер, одно из величайших открытий нашего века, позволяет получить узконаправленный луч. С его помощью нам удалось создать новую форму художественного самовыражения, свободную композицию, в которой свет существует независимо от архитектурного пространства.

Сейчас я занимаюсь разработкой новых форм освещения для различных типов архитектурного пространства, экспериментирую с самыми разнообразными источниками света и техническими средствами. В то же время я надеюсь возродить присущее японцам чувство света и их особое отношение к луне. ■

МОТОКО ИСИИ (Япония) — изучала промышленный дизайн в Токийском университете изобразительных искусств, затем специализировалась на проектировании осветительной арматуры. На «Экспо-70» в Осаке ее работы привлекли всеобщее внимание. Международное признание получило выполненное ею световое оформление выставки «Экспо-75», посвященной океану (Окинава), и нескольких павильонов на всемирной выставке в Цукубе (1985). Получила приглашение работать во многих странах.

Говорят, что японские блюда предназначены не для того, чтобы их вкушать, а для того, чтобы ими любоваться. Я бы сказал даже — не столько любоваться, сколько предаваться мечтаниям. Действие, ими оказываемое, подобно беззвучной симфонии, исполняемой ансамблем из пламени свечей и лакированной посуды. Когда-то мой учитель, писатель Сосэки¹, в своем произведении «Подушка из травы» («Куса-макура»)² посвятил восторженные строки цвету японского мармелада ёкан³. Не находите ли вы, что цвет его тоже располагает к мечтательности? Эта матовая, полупрозрачная, словно нефрит, масса, как будто вобравшая внутрь себя солнечные лучи и задержавшая их слабый греющий свет, эта глубина и сложность сочетания красок, — ничего подобного вы не увидите в европейских пирожных. В сравнении с цветом ёкана каким пустым и поверхностным, каким примитивным кажется, например, цвет европейского крема! А когда еще ёкан положен в лакированную вазу, когда сочетание его красок погружено в глубину «темноты», в которой эти краски уже с трудом различимы, то навеваемая им мечтательность еще более усугубляется. Но вот вы кладете в рот холодноватый, скользкий ломтик ёкана, и вам кажется, как будто вся темнота комнаты собралась в одном этом сладком кусочке, тающем сейчас у вас на языке. И вы чувствуете, что вкус этого не бог весть какого вкусного ёкана приобрел какую-то странную глубину и содержательность.

В любой стране обеденным блюдам стараются придать такое сочетание красок, чтобы оно гармонировало с цветом посуды и стен столовой. Японские кушанья особенно требуют такой гармонии: их нельзя есть в светлой комнате и на белой посуде: их аппетитность от этого уменьшается наполовину. При одном взгляде на суп, приготовленный из красного мисо⁴, который мы едим каждое утро, вам становится ясно, что в старину это мисо получило свое развитие в полутемных домах. Однажды я был приглашен на чайную церемонию, где нам подали суп из мисо. До этого времени я ел этот суп, не обращая на него особенного внимания, но когда я увидел его поданным при слабом свете свечей в

лакированных черных чашках, то этот густой суп цвета красной глины приобрел какую-то особенную глубину и очень аппетитный вид. Соя⁵ обладает такими же свойствами. В районе Камигата под названием тамари употребляют в качестве приправы к сырой рыбе, нарезанной ломтиками, а также к соленым и вареным овощам сою довольно густой консистенции. Эта липкая блестящая жидкость обладает богатой «тенью» и прекрасно гармонирует с темнотой. И даже такие блюда, как белое мисо, бобовый творог, прессованная вареная рыба камабоко, сбитый крем из одной разновидности картофеля тороро, сырая белая рыба и т. д., то есть блюда, имеющие белый цвет, также не дают надлежащего колористического эффекта в светлой комнате. Да и отваренный рис ласкает взор и возбуждает аппетит только тогда, когда он положен в черную лакированную кадучеку и стоит в затемненном месте. Для кого из японцев не дорог вид этого белого, только что отваренного риса, положенного горкой в черную кадочку, в момент, когда с него снята крышка и из-под нее поднимается кверху теплый пар, а каждая крупинка риса блестит, словно жемчужинка. Разве не говорит все это об одном: что наши национальные блюда неразрывно связаны с темнотой и основным тоном своим имеют «тьень». ■

Дзюнъитиро Танидзаки

Отрывок из: Дзюнъитиро Танидзаки «Похвала тени. Эссе». — Избранные произведения. Москва, Художественная литература, 1986, т. 1. Пер. М. Григорьева

¹ Нацумэ Сосэки (1867—1916) — один из выдающихся японских писателей начала XX в.

² «Куса-макура» — роман Нацумэ Сосэки, опубликованный в 1906 г. В классической литературе выражение «куса-макура» (буквально «подушка из травы») ассоциируется с путешествием.

³ Ёкан — желеобразное сладкое блюдо, приготовляемое из бобовой пасты, сахара и агарагара, с вкусовыми добавками из каштанов, хурмы, слив и т. д.

⁴ Мисо — густая бобовая паста, служит в качестве приправы и для приготовления супов.

⁵ Темно-коричневый соус из сои, основная приправа в японской кухне.

Цветная вкладка справа

«Красота японской гостиной рождается из сочетания светотени, а не из чего-нибудь другого... Нам доставляет бесконечное удовольствие видеть это тонкое, неясное освещение, когда робкие, неверные лучи внешнего света, задержавшись на стенах гостиной, окрашенных в цвет сумерек, с трудом поддерживают здесь последнее дыхание своей жизни» (Дзюнъитиро Танидзаки «Похвала тени»). На снимке: деталь чайного домика, построенного в 1985 г. в Осаке архитектором Тадао Андо. Простота и чистота линий отвечают японской концепции прекрасного.

Рощи в городе

Огюстен Берк

По традиции, сложившейся в древности и укоренившейся в сознании европейцев, город должен выступать из окружающей природной среды. Сегодня разрастание пригородов, а также увеличение числа зеленых зон внутри самих городов привело к ослаблению этого контраста, однако не настолько, чтобы полностью устранить его. В представлении европейцев на одном полюсе город, символ созданной руками человека искусственной среды, а на другом — природа, к которой так стремятся владельцы загородных коттеджей и любители воскресных пикников, хотя и она в наши дни почти столь же искусственна.

Правда, эта типично европейская модель не является универсальной. К японским городам она и вовсе не подходит: они никогда не были изолированы от окружающей сельской местности, как в Европе и Китае, хотя бы потому, что в Японии никогда не существовало обычая окружать город крепостным валом. Различия между плотностью населения в городе и в деревне были относительно невелики.

Но, вероятно, решающим фактором является то значение, которое японцы придавали городам с точки зрения взаимосвязи между природой и культурой. К концу древнего периода (III—VII вв. н. э.) в Японии понятия «город» и «цивилизация» были особенно тесно связаны, поскольку одновременно были заимствованы из Китая. Однако понятие города и хороших, «городских» манер наложились на исконные, глубоко анимистические взгляды японцев на природу, согласно которым природа и культура находятся в неразрывном единстве. Соединение этих концепций оказало двойное влияние на городскую культуру Японии. Во-первых, оно нашло свое символическое выражение в том утонченном чувстве природы, которым проникнута японская поэзия и архитектура, а во-вторых, проявилось в особом подходе японцев к формированию городской среды, центральное место в которой отводится растительности.

Изящное и естественное

Центром блестящей хэйанской цивилизации (VIII—XII вв.) был королевский двор в Киото (тогда он назывался Хэйан). Это было время

расцвета искусств и литературы, подарившее нам такой шедевр мировой литературы, как «Гэндзи моногатари»¹. Подобно тому, как в английском языке слово «courtesy» (вежливость, учтивость) произошло от слова «court» (королевский двор), в японском изящные манеры и утонченный вкус именуется словом *мияби* от *мия* — королевский дворец. Аналогичное происхождение имеет и слово *мияко* — столица (в те времена — Хэйан).

Однако за этой аналогией скрывается совершенно различное мировоззрение. Если в английском такие слова, как «politeness» от греческого «polis» (город), «civility» от латинского «cives» (гражданин Рима) и «urbanity» от латинского «urbs» (город), означающие близкие по смыслу понятия (вежливость, учтивость, любезность), относятся прежде всего к взаимоотношениям людей в условиях искусственной городской среды, а слово «courtly» (вежливый, изысканный, льстивый) изначально употреблялось, когда речь шла о влюбленных, то японское *мияби* имеет совершенно иной оттенок. Оно подразумевает не просто учтивость, а тонкие и возвышенные отношения с природой.

В самом деле, такое качество, как *мияби*, столь подробно описанное в «Гэндзи моногатари», особенно ярко раскрывалось в умении человека выражать свои чувства к природе в стихах, одежде, устройстве сада. Критерием городского, цивилизованного человека было умение по достоинству оценить пение цикады, красоту луны и кленов.

Сады и чайные домики

В последние годы Хэйанского периода выражение отношения к природе стало несколько вычурным. Затем это чувство возродилось вновь в поэзии Сайгё-хоси², который сознательно оставил столичную жизнь и воспел в своих стихах одиночество в горах. Стали появляться новые эстетические ценности, в корне отличные от идеалов городской жизни. Так, Камо-но-Тэмэй в своем произведении «Ходзё-ки»³ излагает целую философию жизни отшельника под недалговечным кровом маленькой хижины, которая в десять раз меньше оставленного в Киото дома.

Два-три столетия спустя, в период правле-

ния династий Муромати и Момояма (XIV—XVI вв.), антиурбанистические тенденции в городе проявились в создании чайных домиков (*тясицу*) и садиков вокруг них (*рёдзи*). Благодаря небольшим размерам и естественным материалам, из которых он сделан, *тясицу* в городе является как бы воплощением горной кельи — символом бренности земной жизни, а камни *рёдзи* напоминают об извилистой горной дороге, ведущей в просветленное царство Будды.

Эти архитектурные формы выражения взаимоотношений человека и природы оказали глубокое влияние на эстетику традиционного японского жилища, в частности домов воинов (*букэ ясики*) в Эдо (будущем Токио), столице военных правителей — сёгунов. Они же в свою очередь послужили прототипом небольших частных домов с собственным садом, в которых и сейчас живут многие токийцы.

Такое представление об идеальном жилище в самом большом городе мира основано на стремлении японцев жить среди природы. Еще больше, чем в Токио, оно реализуется в провинциальных городах, где не столь остро ощущается нехватка свободного пространства.

Дикая природа и священные рощи

Все описанные формы жилища во многом восходят к буддийской традиции, а через буддизм (как один из каналов) — к китайской цивилизации. В то же время в них получили

Цветная вкладка слева

«Типичный синтоистский храм... представляет собой сооружение, построенное из священного дерева (тиндзю-но-мори) и окруженное зеленью. С одной стороны, священное дерево символизирует горный лес, в чаще которого находится первоисток божественных сил... С другой — оно является экологическим памятником первобытной природе. Ведь благодаря запрету на его вырубку сохранились реликтовые рощи тиндзю-но-мори, которые донесли до наших дней воспоминание о лесах, некогда покрывавших всю равнинную часть Японии». На снимке: синтоистский храм в Киото.

Photo Thomas Hopker © Magnum, Paris

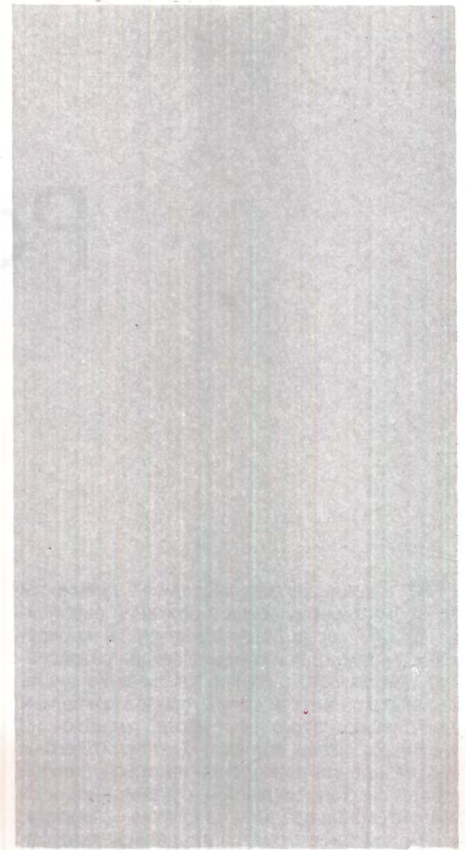
¹ «Гэндзи моногатари» («Повесть о принце Гэндзи») — роман, написанный в классическом японском стиле в начале XI в. Мурасаки Сикибу фрейлиной королевского двора в Киото. Это произведение, с его искусной интригой и меткими характеристиками персонажей, удивительно ярко рисует жизнь придворной аристократии. По словам японского исследователя XVIII в. Мотоори Норинаги, автора отличает обостренное чувство «очарования вещей».

² Буддийский монах и поэт Сайгё (1118—1190) — один из наиболее популярных в Японии, большой мастер традиционных японских пятистиший (*танка*), состоящих из 31 слога. Его многочисленные произведения, вдохновленные одинокими странствиями, воспевают любовь к природе и буддийские духовные ценности.

³ В поэме «Ходзё-ки» («Записки из кельи») придворный поэт, ставший впоследствии буддийским монахом, Камо-но-Тэмэй (1155—1216) дает краткое описание обрушившихся на Киото несчастий, свидетелем которых он был. Затем следует рассказ о красоте природы и мирной жизни отшельника, столь отличной от его былой жизни в столице.

Photo Burt Gilnn © Magnum, Paris

Искусство аранжировки цветов (икебана) подчиняется тонким правилам и опирается на сложную символику. Оно зародилось как религиозный обряд подношения цветов Будде и, подобно традиционной японской чайной церемонии, представляет собой слав красоты и строгого стиля. По словам одного из знатоков икебаны, «цветущая веточка и ваза с водой могут вызвать образы несущихся потоков и необозримых гор». Обучение искусству икебаны по-прежнему очень популярно в стране.

Photo Richard Kalvar © Magnum, Paris

Справа: устремленные ввысь сейсмостойкие небоскребы из бетона, стали и стекла в токийском деловом квартале Синдзюку.

уникальное выражение и исконные анимистические воззрения, которые продолжают сосуществовать с синтоизмом. Разбросанные по всей Японии синтоистские святыни отличаются большим разнообразием. Это и скала в какой-нибудь отдаленной долине, и храм в самом центре Токио, и сук дерева, и священные уголья площадью в несколько гектаров. Но у всех них есть общая черта — соотношение с природой, которая, помимо естественного, экологического, приобретает еще и символическое значение благодаря связи с богами, которым поклоняются в этих местах.

Типичный синтоистский храм (*дзиндзя*) и в городах, и в сельской местности представляет собой сооружение, построенное из священного дерева (*тиндзю-но-мори*) и окруженное зеленью. С одной стороны, священное дерево символизирует горный лес (*яма*), в чаще которого находится первоисток божественных сил. Значение, придаваемое чаще леса (*оку*), отражено в архитектуре храмовых зданий. С другой стороны, оно является экологическим памятником первобытной природе. Ведь благодаря запрету на его вырубку сохранились реликтовые рощи *тиндзю-но-мори*, которые донесли до наших дней воспоминание о лесах, некогда покрывавших всю равнинную часть Японии (за исключением ее северо-востока).

Конечно, не все леса удалось сохранить в первоначальном виде — многие пали жертвой урбанизации. И все же благодаря священным рощам, сохранившимся в сердце даже самых крупных городов, японская культура поддерживает прочную связь с миром природы, царившей здесь до появления городов.

Лоно природы

При всей своей любви к природе японское общество оказалось не в состоянии уберечь ее от серьезного ущерба, особенно с эстетической точки зрения. Подобная ситуация только на первый взгляд может показаться парадоксальной. Среди породивших ее причин прежде всего следует отметить отсутствие у японцев интереса к политике, иными словами, к принципам, лежащим в основе той системы, при которой этот ущерб был нанесен. Такой подход, как мы уже убедились, отражает одну из очень древних тенденций японской культуры.

Однако наступление на окружающую среду вызвало локальные вспышки протеста, вылившиеся в так называемое «движение жителей» (*дзюмин ундо*). К концу 60-х годов оно набрало большую силу, добившись принятия строгих законодательных мер по охране окружающей среды. С тех пор в результате

ряда технологических изменений и снижения темпов роста экономики ситуация несколько улучшилась. Соответственно снизилась и активность экологического движения. Теперь основное внимание направлено на озеленение городов. Так, муниципалитет Токио приступил к реализации программы, согласно которой предполагается в течение 20 лет удвоить нынешнюю площадь зеленых зон. Кроме того, многие токийцы, не ограничиваясь совершенствованием своей городской среды, покупают почетное гражданство в таких северных районах, как остров Хоккайдо, тем самым финансируя мероприятия по сохранению лесов в этой части страны.

Однако любовь к природе отвлекает внимание от таких городских, а следовательно, и политических проблем, как судьба больших участков земли в самом центре Токио, которые по частям распродаются муниципальными властями, стремящимися пополнить израсходованные фонды. По всей видимости, проблемы центральных кварталов города мало интересуют жителей пригородов, миллионы которых каждый вечер после работы устремляются к своим маленьким утопающим в зелени домикам.

Первооснова общества

Город тесно связан с такими высочайшими достижениями европейцев, как демократия и цивилизация, поэтому им трудно представить себе, что он может выражать другие ценности или что эти ценности могут быть выражены как-то иначе. Однако подобное толкование ни в коем случае не является универсальным; многие общества придают городам совсем иное значение. К ним принадлежит и Япония.

Под чисто внешним сходством нагромождений человеческих жилищ в больших и малых городах мира скрываются различия не только городов, но и самих обществ, к которым принадлежат их обитатели.

Вряд ли имеет смысл заниматься формальными сравнениями и распространяться об относительном недостатке публичных дискуссий и политических дебатов в японских городах. Полезнее вспомнить особенности данной культуры, и тогда станет ясно, что в Японии аналогом европейского форума (арены политических выступлений с ее характерными колоннадами и башнями) является не что иное, как священная роща — место единения с первобытной природой, воплощенной в стволах и листьях реликтовых деревьев. И в том и другом случае город служит средством выражения духовной первоосновы общества: в Европе — это Слово, в Японии — Природа. ■

ОГЮСТЕН БЕРК (Франция) — профессор этнографии в Высшей школе социальных наук в Париже, где он также возглавлял программу по изучению современной Японии. В настоящее время один из директоров Франко-японского дома в Токио. Среди его работ, посвященных Японии, «*Vivre l'espace au Japon*» (1982) и «*La qualité de la ville: urbanité française, urbanité nipponne*» (1987, в соавторстве).

Японский дом

Традиция и современность

Традиционное японское жилище десятилетиями притягивало к себе архитекторов, и сегодня ему по-прежнему отводится немало места на страницах книг и журналов, посвященных дизайну интерьера.

По западным меркам японский дом далеко не самый удобный. Зимой в нем холодно, а сидеть приходится на циновках (*татами*), разложенных прямо на голом полу. Кроме того, на первый взгляд ему недостает той надежности и долговечности, которые отличают каменные строения. И все же благодаря своей конструкции, внутреннему устройству и заложенной в нем эстетике такой дом представляет собой редкий пример целостной, законченной системы.

Само дерево, из которого он построен, и окружающий его сад, обеспечивающий плавный переход к внешнему миру, делают японский дом как бы частью природы. Соломенная крыша, глинобитные стены и

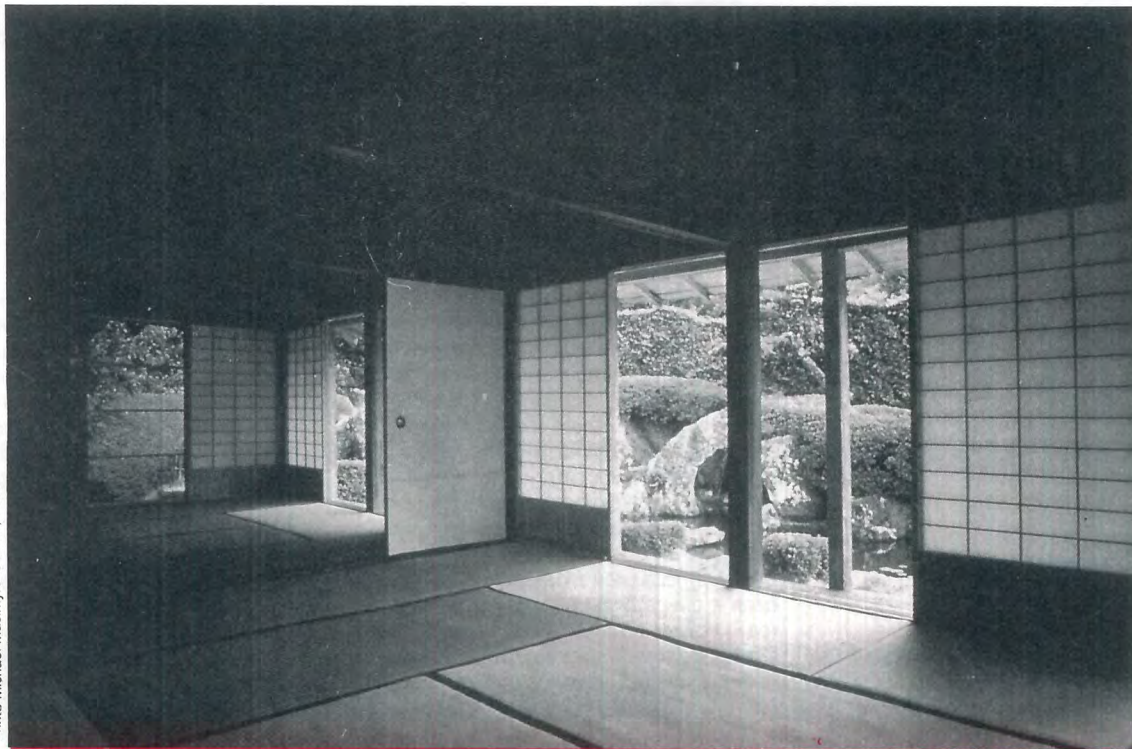
сваи, на которые он водружен, позволяют летом переносить сорокаградусную жару при 80-процентной влажности, а гибкая конструкция амортизирует подземные толчки при землетрясении. Обклеенные бумагой раздвижные перегородки (*фусума*) дают возможность изменять планировку в зависимости от ситуации: например, превратить две комнаты в одну. В подобном пространственном решении жилища нашла отражение строго регламентированная иерархия японской семьи и общества.

Но все это уходит в прошлое. Теперь в таких больших городах, как Токио, с их «спальными пригородами» от многовековой культуры традиционного японского быта осталось лишь воспоминание. Радикальные изменения строительной технологии после второй мировой войны и, как следствие, появление новых типов индивидуального и коллективного жилища произвели переворот в традиционном укладе жизни японцев.

Марк Бурдьё

Громоздкая современная мебель и аппаратура нарушают простоту и многоцелевое использование пространства, характерные для традиционного японского жилища. Закрепление за каждой комнатой определенной функции, бетонные стены вместо раздвижных перегородок создают впечатление меньшей жилой площади.

Такие перемены были вызваны целым рядом причин, и не только влиянием Запада, хотя именно благодаря ему почти в половине (42%) японских домов появилась кровать. Правда, в них еще остался традиционный тюфяк (*футон*), который каждое утро выносят на солнце, а потом убирают в шкаф (*осиирэ*) — ведь в небольшой квартире кровать занимает очень много места.

С Запада пришли и стулья, которых до войны в японских домах не было. Сегодня зачастую в одной комнате можно увидеть стол и стулья западного образца, а в другой — традиционный низкий столик и подушки. Такое раздвоение объясняется силой привычки, а также тем, что в типовых домах относительно низкие потолки. Ведь в зависимости от того, сидишь ты на полу или на стуле, размеры комнаты воспринимаются по-разному. А кроме того, на подушках за низким столиком может разместиться больше людей, чем на стульях вокруг обычного европейского стола.

И все же большинство перемен в образе жизни японцев обусловлены внутренними причинами. Если раньше ели и спали в одной и той же комнате, то в современных жилищах каждое помещение имеет свое предназначение. Такое разделение основывается на представлении о том, что есть и спать следует в разных местах, появившемся в Японии в предвоенные годы в результате возросшей заботы о гигиене.

Те, кто выдвинул эту теорию, ожидали, что после войны площадь квартир в домах массовой застройки существенно увеличится. Но они ошиблись. Отчасти вследствие концентрации населения в больших городах средняя площадь квартир теперь составляет 43 м². Комнаты в них малень-

кие, и каждая выполняет свою функцию. Если бы они, как раньше, сообщались друг с другом, с малым метражом можно было бы смириться. Но использование железобетона в строительстве привело к тому, что на месте большинства традиционных раздвижных перегородок оказались стены. Кроме того, согласно новому строительному законодательству, принятому в 50-е годы, сейсмическая устойчивость небольших деревянных домов должна обеспечиваться не гибкостью конструкций, позволяющей амортизировать подземные толчки, а повышенной прочностью. Эта проблема была решена опять-таки путем увеличения числа капитальных стен.

И сейчас еще на первый взгляд может показаться, что многие типичные черты японского традиционного уклада, на которые прежде всего обращают внимание иностранцы, нисколько не изменились. Обувь по-прежнему снимают в прихожей, а на полу в некоторых комнатах лежат *татами*; сохранилась и традиционная ниша (*токонома*) в углу комнаты — правда, теперь в ней вместо композиции из цветов (*икебаны*) стоит телевизор. Однако за всей этой «экзотикой» скрывается тот факт, что оснащенные кондиционерами и отапливаемые зимой бетонные жилища в действительности создают их обитателям неведомые ранее неудобства, которые, как показали недавние исследования, у выходцев из сельских районов, привыкших к иным условиям жизни, нередко вызывают стресс.

Разумеется, нельзя сказать, что под воздействием западной культуры жилища и уклад жизни японцев полностью утратили национальный колорит, однако они во многом изменились. ■

Традиционный японский дом (вверху) — довольно хрупкая конструкция, сливающаяся с окружающей природой. Его обитатели ощущают ритм сменяющихся времен года, проникаются чувством «бесконечного движения», составляющим основу буддизма. Через прозрачные раздвижные перегородки внутрь дома проникает рассеянный свет. Из комнаты попадаешь прямо в сад, который изнутри кажется творением живописца.

МАРК БУРДЬЕ (Франция) — архитектор, член группы специалистов, занимающихся осуществлением франко-японской программы изучения городской среды в Токио. Автор нескольких публикаций, включая «*Production du logement et usage de l'habitat, les premiers logements sociaux au Japon (1924—1942)*» и «*La question du logement urbain au Japon*».

Гулливвер в Японии

Джеймс Куркан

В поездах японского метро и пригородной железной дороги сиденья располагаются длинными «скамьями» вдоль боковых стен вагонов. Они вполне комфортабельны, обиты мягкой прочной тканью зеленого, красного или синего цвета, а такое их размещение, по видимому, продиктовано прежде всего стремлением вместить как можно больше «стоячих» пассажиров в часы пик, которые в больших городах растягиваются чуть ли не на все сутки.

Перед посадкой люди чинно выстраиваются в очереди на перроне напротив знаков, показывающих, где должны открыться автоматические двери вагонов (в Японии поезда всегда останавливаются

точно там, где указано). Но как только двери открываются, начинается настоящее столпотворение: каждый стремится захватить место, и выходящим пассажирам приходится порой силой продирааться сквозь толпу отчаянно рвущихся внутрь людей. В искусстве пролезать вперед без очереди особенно преуспели дети (возможно, не без подсказки родителей): они проскальзывают в вагоны впереди менее поворотливых взрослых и располагаются на свободном месте, вовсе не намереваясь уступить его ни папе с мамой, ни вообще старшим. В каждом вагоне есть несколько мест с табличкой «Для престарелых», но это, увы, только проформа — табличек этих никто просто не замечает.

Такое поведение представителей народа, известного своей вежливостью, поначалу очень меня озадачивало. Где же знаменитая изысканность манер, столь ярко проявляющаяся во время чайной церемонии или народных торжеств? Где скромность и стремление оставаться в тени, присущие зрителям театра Но или погруженным в созерцание последователям «дзэн»? Со временем я понял, что вся эта давка и толча из-за свободного места в вагоне — проявление своеобразной черты национального характера, обусловленной чисто физической нехваткой пространства в стране. Поэтому даже место в вагоне представляется большинству японцев как бы символом их места под солнцем, которым необходимо овладеть всеми правдами и неправдами, иначе оно достанется другому.

Японцы обладают завидным даром засыпать в любом месте и в любое время суток. Это можно особенно часто наблюдать именно в поездах: едва втиснувшись на свободное сиденье, человек почти сразу начинает клевать носом, скрестив руки на груди. Его никто не тронет, даже если во сне он несколько «выйдет» за пределы скромного пространства, отведенного пассажиру. Довольно часто спящие уютно устраиваются на плече соседа. Когда это происходит со мной, я чувствую себя счастливым, ведь я устаиваюсь особого доверия: в стране, где от иностранцев принято держаться подальше, подставить плечо под чью-то сонную голову удается далеко не каждому зарубежному гостю. Молодые люди не столь беззастенчивые, как дети, порой нарочно притворяются спящими, лишь бы не уступить место дряхлой старушке или пожи-

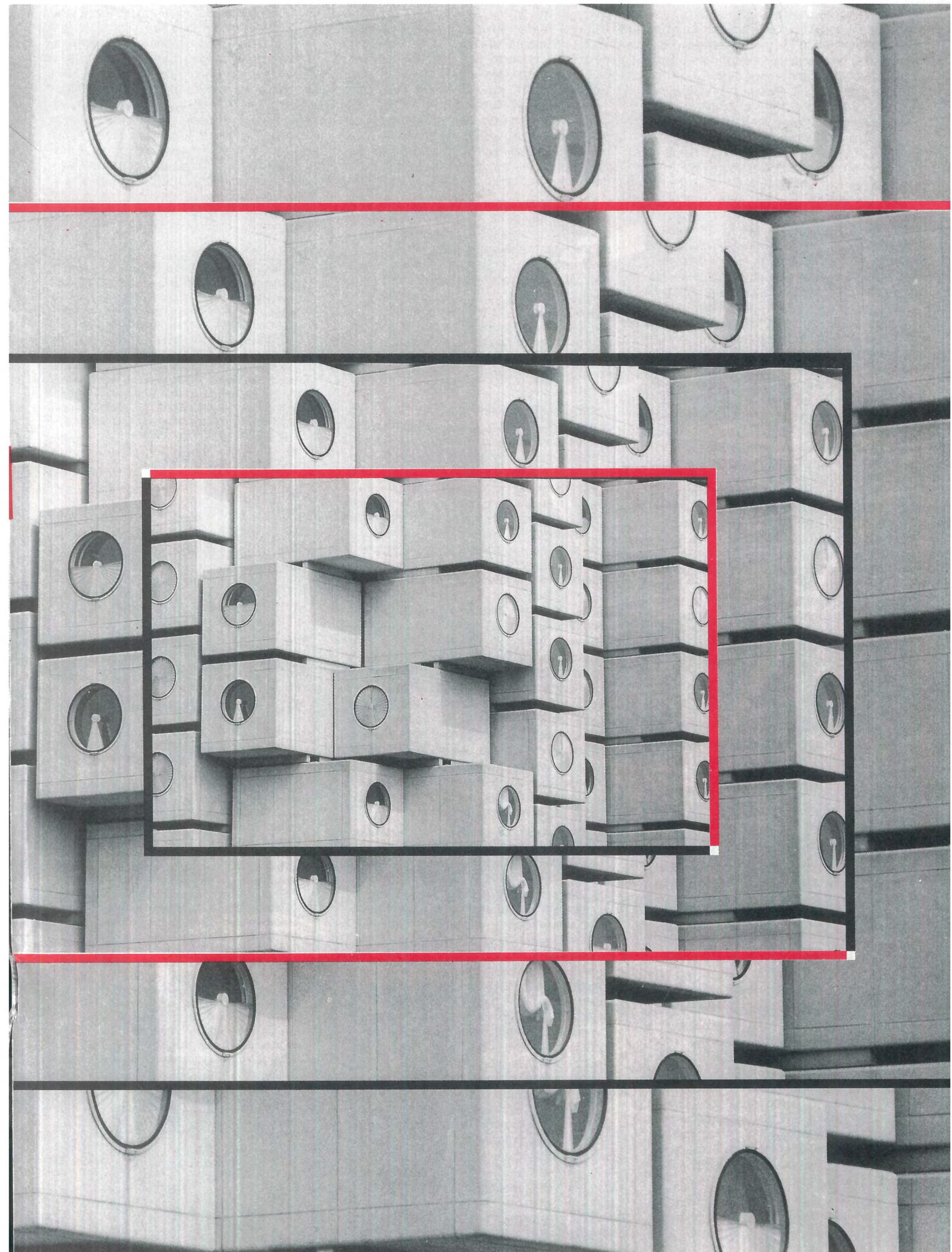
Проблема нехватки пространства постоянно преследует японцев, поэтому им часто приходится жить довольно скученно. Справа: фото-монтаж современного многоквартирного блочного дома.

Служащий токийского метро заталкивает пассажиров в вагон в час пик.

Photo Richard Kalvar © Magnum, Paris

Photo René Burri © Magnum, Paris

лому господину, которые в тщетной надежде качаются над ними в вагонной сутолоке, цепляясь за белые пластмассовые кольца, свисающие, словно гимнастические снаряды, с потолка вагона.

Есть, однако, еще одна причина более деликатного свойства, в силу которой молодежь не спешит уступить место престарелым и немощным. В тех редких случаях, когда мне удавалось стать свидетелем такого поступка молодого человека или девушки, делалось это как-то внезапно, без должного изящества, и необычный жест невольно вызывал удивленные взгляды других пассажиров, а японцы, надо сказать, не любят привлекать к себе внимание. Больше того, сама старушка, которой уступали место, не ограничивалась простым кивком головы или короткой благодарностью: вместо этого она устраивала целое представление, принимаясь отвешивать церемонные поклоны, и, сияя улыбками, обрушивала на смущенную жертву собственной вежливости целый поток выражений признательности. Заняв предложенное ей место она позволяла себе лишь после длительного ритуала учтивости, затем, устроившись на самом краешке сиденья и вся вытянувшись в струнку, она продолжала расточать благодарные улыбки вслед молодому человеку, который к тому времени уже поспешно пробирался сквозь переполненный вагон подальше от нее. Если же ретироваться не удавалось и он оставался стоять около облагодетельствованной его вежливостью старой дамы, она принималась упрасивать его поставить ей на колени спортивную сумку или чемоданчик. Стесняясь восхищенного внимания стариков, многие в таких случаях просто выходят на ближайшей остановке и, дождавшись следующего поезда, уж больше никогда никому не уступают места.

Те, кому не удается завладеть сидячим местом, пытаются получить хоть что-нибудь — стальной поручень, ручку или ремень, за который можно держаться. Белые пластмассовые кольца, часто испачканные типографской краской от свежих газет, — еще один символ желанного и столь недостающего всем жизненного пространства, и потому некоторые из пассажиров захватывают сразу пару таких колец — по одному на каждую руку, чтобы, так сказать, утвердить свое право хотя бы на эту малую территорию. Они висят на своих кольцах до самой последней секунды, нередко даже после того, как поезд останавливается на нужной им станции. Наконец, расставшись со своей «собственностью», они кидаются к выходу, бросая кольца, которые часто попадали мне по носу, если я стоял поблизости.

Нехватка пространства — навязчивая идея японцев. В Европе их крошечные дома и квартиры часто называют «кроличьими клетками». О том, что в Японии пространство в большом почете, говорят и необычайно высокие, просто баснословные цены на участки, предназначенные для строительства. Здесь, однако, следует сказать, что, рассуждая о «кроличьих клетках», западные «критики» забывают о том, что в их странах немало людей живет в гораздо худших условиях.

Японцы по крайней мере умеют извлекать все возможное из малого пространства своих жилищ. Скажем, комната в шесть *татами* (около 10 кв. метров) выгля-

дит достаточно просторной, поскольку в ней почти нет мебели: только низенький столик и заменяющие стулья пять (никогда не шесть) плоских квадратных подушек, аккуратно сложенных стопкой в углу. Помимо этого, единственное убранство такой традиционной комнаты (они есть сейчас даже в самых современных квартирах) — бумажный свиток на стене и икебана. Ведь подлинная роскошь, с точки зрения японца, — это ощущение свободного пространства.

К сожалению, во многих домах и квартирах есть теперь и комнаты в «западном стиле», с деревянным, покрытым ковром полом, заставленные громоздкой западной мебелью, а также музыкальными инструментами, современной бытовой техникой и всякого рода электронными приспособлениями. Такие комнаты — с мебелью в чехлах, безделушками, этажерками и клетками для птиц — выглядят удивительно по-викториански и уж вовсе не по-японски, поскольку в них негде повернуться.

Японцев усиленно убеждают покупать больше товаров, с тем чтобы снизить высокий уровень личных накоплений, содействовать оживлению экономики и улучшению платежного баланса. Но у них зачастую просто нет места для размещения все новых и новых покупок, поэтому вполне добротные изделия, чуть устарев, часто оказываются на свалке. Как раз неподалеку от довольно большой квартиры, которую мне выделили как иностранцу, имеющему по японским стандартам довольно крупную фигуру, есть свалка, куда выбрасывают телевизоры, стиральные машины, холодильники, радиоприемники, компьютерные устройства — одним словом, буквально груды еще вполне пригодных вещей, ставших ненужными этому «обществу выбрасывателей», отчаянно ищущему место для нескончаемого потока новинок. Здесь часто можно увидеть «бедных» иностранцев, которые роются в этом ценном хламе, выискивая то, что может пригодиться в их собственных квартирах, для продажи или обмена в лавках подержанных вещей, которые наконец-то начинают завоевывать популярность.

В моей японской квартире (четыре комнаты с кухней) минимум мебели, но и мне явно не хватает места: комнаты забиты книгами, журналами и черновиками, словом, всем тем, что необходимо писателю. Я пытался передать свои рукописи и записные книжки в университетские библиотеки, но увы: разместить даже небольшую часть книг и журналов, которые ежемесячно тысячами публикуются в Японии, становится все труднее. Обычный бытовой мусор собирают дважды в неделю, но ничего громоздкого не принимают; поэтому примерно каждые десять дней проводится особый сбор бутылок, банок и т. п. — строго по сортам и видам.

Традиционные японские искусства — чайная церемония и икебана — это попытка в изящной, художественной форме внести хотя бы временный порядок и создать ощущение пространства в царящих вокруг хаосе и тесноте. Но даже в час пик мне не раз случалось наблюдать в поездах прекрасные образцы учтивости, когда, например, кто-то из пассажиров, увидев, что сидящие могут выкроить для него местечко, склоняется перед ними в изящнейшем поклоне, прося их потеснить-

ся. Я и сам в известной мере овладел этим искусством, но, когда, отзвываясь на мой немой призыв, мне освобождали место, я, к несчастью, обнаруживал, что оно для меня слишком мало! Положение, конечно, неловкое, но зато вызывающее у японцев добродушную улыбку. В такие минуты я, пожалуй, даже радуюсь, что мне не хватило места. Хуже, если мой сосед вдруг любезно встает, уступая свое столь драгоценное сиденье. Тогда мне остается лишь поклоном выразить свою благодарность и, потупясь, смиренно присесть на самый краешек — до первой остановки. ■

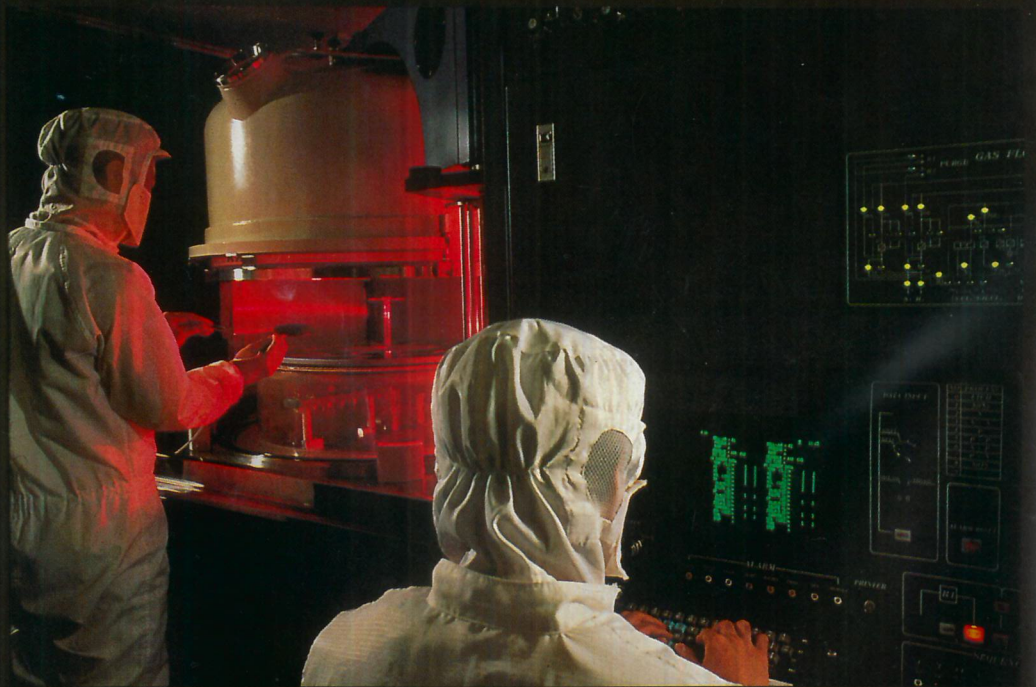
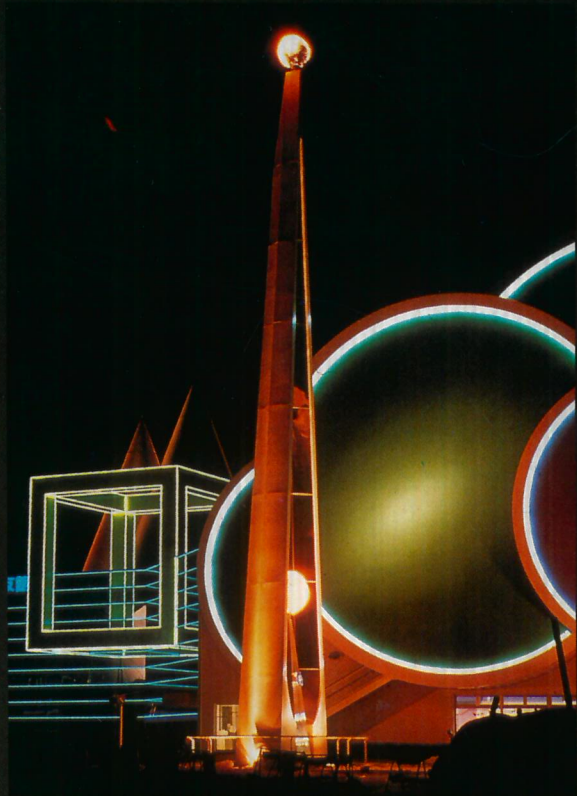
ДЖЕЙМС КИРКАП (Великобритания) — поэт и переводчик, с 1958 г. живет в Японии, профессор-филолог, работает в области сравнительной литературы в Университете зарубежных исследований в Киото. Автор многих прозаических произведений о Японии и Дальнем Востоке, а также многочисленных поэтических сборников, последний из которых «The Sense of the Visit» (1984). Многие его сочинения переведены на японский язык. Вместе с современным японским композитором Минуру Мики написал свою первую оперу для театра Кабуки «An Actor's Revenge», поставленную в 1987 г. в Мюнстере (ФРГ).

Цветная вкладка справа

Кабуки, один из видов классического театра Японии (ка — пение, бу — танец, ки — актерская игра), появившийся в начале XVII в., включает элементы драмы, вокального и хореографического искусства. Все роли, включая женские, исполняются мужчинами. Внизу слева: выполненная известным японским графиком Таданори Ёкоо (р. 1936) реклама спектакля по мотивам романа Бакина (1767—1848) «Натянутый лук, или Новолуние» в театре Кабуки в Токио в 1969 г. Вверху слева: персонаж пьесы «Кагэкиё», рассказывающей о борьбе легендарного героя XII в. Тайра-но-Кэяки против заклятого врага своей семьи. Вверху справа: драматический момент трагедии XVIII в. «Хроника битвы при Итинотани». Узнав о смерти сына, Сагами пытается взять себя в руки, зажав между зубами листок бумаги. Внизу справа: показ моделей мужской зимней одежды ведущего японского модельера Иссы Миякэ в Токио (1984). Оформление художника-постановщика Томио Мори.

Photo © Tadanori Yokoo, Tokyo
Photo Burt Ginn © Magnum, Paris
Photo Mike Yamashita © Rapho, Paris
Photo Claude Charlier © ANA, Paris

Техника за гранью фантастики

Photos Andreas Dannenburg © Cosmos, Paris

Три примера японской миниатюрной техники. Слева направо: электробритва, радиотранзистор и фотоаппарат, служащий одновременно брелоком для ключей.

Цветная вкладка слева

Вверху: японский спутник для наблюдения за океаном (MOSI), запущенный в феврале 1986 г. Японским космическим агентством. В центре: павильоны на всемирной выставке «Экспо-85» (Цукуба, в 50 км от Токио), созданные японскими архитекторами на основе кубических, сферических, треугольных и других геометрических форм. Выставка проходила под девизом «Жилище и окружающая среда — наука и техника на службе человека». Ее посетило более 20 млн. человек. Внизу: японские техники проводят очистку кремния, тонкие пластинки которого составляют основу интегральных схем, используемых во многих типах электронных систем.

Photo James Griffiths © Magnum, Paris
Photo Keisuke Kumagari © Rapho, Paris
Photo Claude Charlier © ANA, Paris

Сигэру Кимура

Высокий уровень научно-технического развития Японии по-настоящему привлек внимание всего мира только в 80-е годы. До этого на первенство в этой сфере претендовали США, однако в начале нынешнего десятилетия в таких областях, как производство стали, автомобилей, станков с числовым программным управлением, промышленных роботов и интегральных схем, Япония обогнала их.

Подражание и творчество

Как же удалось Японии добиться столь быстрого технического прогресса? Можно привести несколько причин, главной из которых явилось целеустремленное использование японскими инженерами последних технических достижений других стран.

Примером может служить Масару Ибука, основатель корпорации «Сони». В 1952 г., во время поездки по США в поисках идей, способных стимулировать развитие новых направлений в технике, он узнал, что фирма «Вестерн электрик» решила предоставить другим компаниям право исполь-

зовать ее патент на производство транзисторов. Ибука немедленно вступил в переговоры с фирмой. В то время его компания была невелика и малоизвестна, хотя разработанная ею магнитофонная техника уже получила высокую оценку. Запрос не встретил никаких препятствий.

В ходе переговоров руководители «Вестерн электрик» поинтересовались предполагаемой целью использования транзисторов. Услышав, что Ибука изучает возможность их применения для создания миниатюрного радиоприемника, американцы посоветовали ему отказаться от этой затеи: ведь затраты на производство транзисторов будут столь высоки, что, даже если и удастся создать на их основе радиоприемник, он будет уступать обыкновенному ламповому как с технической, так и с коммерческой точек зрения; фирма лишь попусту потратит время.

Однако Ибука остался при своем мнении и по возвращении в Токио вместе с небольшой группой ученых приступил в крохотной лаборатории к осуществлению своего замысла. Спустя два года, зимой 1954 г., зазвучал первый транзисторный приемник. Правда, уровень помех был слишком

высок, и все-таки это был прибор, которому суждено было завоевать всемирную популярность.

До 1949 г. металлические зубчики застежек-молний, выпускаемых фирмой «Ёсида Кёгё» (YKK), ныне крупнейшим в мире производителем этой продукции, крепились к матерчатой основе вручную. В 1950 г. компания приобрела в США машину для их автоматического закрепления. Станок был неновым, однако президент компании Тадао Ёсида разобрал его, подробнейшим образом изучил, внес ряд усовершенствований и в конечном счете сумел создать гораздо более эффективный образец. В 1960 г. компания вышла на первое место в мире по производству застежек-молний и продолжает удерживать его по сей день.

Нередко можно услышать, что японцы очень удачно используют чужие идеи, но им не хватает собственной творческой жилки. Однако, несомненно, без оригинального подхода, без творческого мышления никогда бы не появились на свет ни первый транзисторный радиоприемник, ни усовершенствованная машина для выпуска застежек-молний. После второй мировой войны Япония оказалась в арьергарде научно-технического прогресса, однако, взяв на вооружение достижения других стран, а затем обогатив их собственными уникальными идеями, она смогла добиться высочайшего качества продукции и завоевать устойчивую репутацию на мировом рынке.

Свидетельством изобретательности служат и созданные двумя японскими компаниями портативные домашние видеоманитофоны, получившие распространение во всем мире, и то обстоятельство, что 98% всей используемой ныне на планете копировальной техники изготовлено в Японии.

Главная задача — догнать

Еще сто лет назад Япония была всего лишь слаборазвитой дальневосточной страной. В научно-техническом плане она сильно отставала от Европы и США. И вот японские власти стали посылать туда на учебу своих студентов. В 1868—1874 гг. за границей обучалось около 550 человек. По тем временам это было немало, ведь Тихий океан и Атлантику приходилось пересекать на небольших судах.

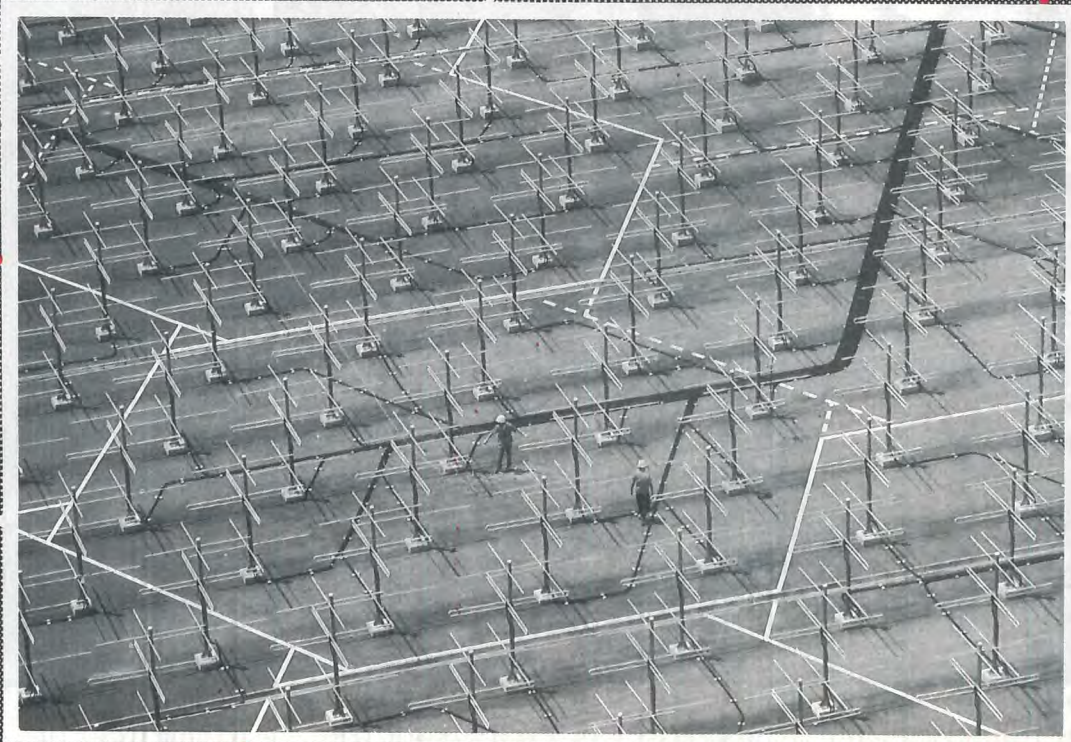
Кроме того, в Японию стали приглашать в качестве преподавателей различных ученых и технических специалистов из Англии, Франции, США, Германии, Нидерландов, Швейцарии и Италии. Некоторым из них платили больше, чем членам японского кабинета министров. В 1868—1889 гг. в стране работало 2299 иностранцев.

Наряду с этим власти быстро поняли значение знаний и уже в 1871 г. начали вводить систему всеобщего образования. Если в 1875 г. школу посещало лишь 35% детей соответствующей возрастной группы, то к 1905 г. эта цифра составила 96%.

В результате с помощью традиционных ценностей, иностранных специалистов и политики властей уже в 20-е годы нашего века Японии удалось догнать Европу и США в ряде научно-технических областей. Японскими учеными, например, открыты новые патогены и разработана теория мезонов*.

Однако в ходе второй мировой войны эти научно-технические достижения ока-

Япония располагает сегодня высокоразвитой электронной промышленностью, выпускающей более половины производимых в мире компьютерных микрочипов. Вверху: детали компьютеров на «электронном базаре» в токийском районе Акихабара, где сосредоточены магазины по продаже электрической и электронной аппаратуры — от мелких лавочек до фирменных магазинов, в которых работает до тысячи продавцов.

Японские радиолокационные системы «МУ» — одни из самых совершенных в мире приборов для изучения верхних слоев атмосферы Земли. Крупная установка такого рода для метеорологических и других научных исследований (вверху) создана в Сига-раки (префектура Гифу, остров Хонсю) специалистами Центра по изучению средних и верхних слоев атмосферы при Университете Киото. Она состоит из 475 антенн высотой 3,5 м, расположенных на расстоянии 4,5 м друг от друга и образующих шестиугольники.

зались утраченными. Японии вновь пришлось начинать с нуля, учиться у других стран, и через 35 лет после окончания войны в ряде областей она вышла на первое место в мире.

Кто будет первым?

Сегодня, когда нынешнее десятилетие близится к завершению, перед наукой и техникой Японии стоят новые проблемы.

В 1957 г. Япония заняла ведущее место в мировом судостроении и удерживала его на протяжении многих лет. Однако Южная Корея, овладев наиболее передовой технологией, может сегодня строить великолепные суда с меньшими затратами, в результате чего японские судостроитель-

ные компании оказались в нелегком положении.

Южная Корея догнала Японию и по технологии производства стали. Рабочая сила здесь дешевле, японские же сталелитейные фирмы не в состоянии поддерживать свои производственные затраты на таком низком уровне и потому вынуждены сворачивать производство.

Южная Корея внедряет японскую технологию и в автомобильной промышленности, благодаря чему обеспечивает выпуск автомашин столь же высокого качества, но с меньшими затратами, чем в Японии.

Если эта тенденция сохранится, то весьма вероятно, что в 90-е годы Южная Корея, Тайвань, Гонконг и Сингапур обгонят Японию точно так же, как в 80-е годы она обогнала США.

Техническое отставание вряд ли грозит ничтогой населению такой страны, как США, с ее богатыми природными ресурсами. Япония же практически не имеет своего угля, нефти и другого сырья. По сей день она ввозит их из-за рубежа и, используя свой технический потенциал, производит продукцию на экспорт. Поступления от экспорта позволяют осуществлять закупку таких товаров, как нефть, продукты питания, корм для скота.

Япония не может позволить себе отказаться от экспорта готовой продукции. Она вынуждена направлять все усилия на осуществление научно-исследовательских и конструкторских разработок, связанных с

производством сложной техники, которую было бы не так-то просто скопировать странам-конкурентам.

Оригинальные изобретения и открытия поощряются японскими властями через такие фонды, как «Программа развития научно-технического творчества». Помогает и то, что в Японии родители проявляют большую заботу об образовании своих детей, средний уровень которого по сравнению с другими странами весьма высок.

Нет сомнений в том, что в Японии и впредь будут появляться ученые и специалисты высочайшего класса, деятельность которых будет способствовать улучшению жизни многих людей на нашей планете. ■

* Элементарные частицы. — Прим. ред.

СИГЭРУ КИМУРА — помощник управляющего компании «Эйсэй Тяньэру», занимающейся спутниковым радиовещанием. Специалист по истории науки, бывший сотрудник токийской ежедневной газеты «Асахи Симбун», в которой возглавлял отдел науки и являлся директором отдела научных исследований. Автор нескольких публикаций, включая «Japan's Science Edge: How the Cult of Anti-Science Thought in America Limits U. S. Scientific and Technological Progress» (University Press of America, USA, 1985).

Культурные предпосылки
экономического
развития Японии

Photo © Musée Guimet, Paris

Капитализм по Конфуцию

Митио Морусима

Почему «современный капитализм» возник именно в Западной Европе и именно в определенный момент ее истории? Немецкий социолог Макс Вебер (1864—1920) считал, что современный капитализм не был лишь результатом прогресса науки и техники, что своим появлением он в равной степени обязан возникновению рационального (в противовес традиционному) мышления у тех, кто был движущей силой исторического развития. Вебер задавался вопросом, в чем причина огромного различия в этом отношении между Востоком и Западом. Чтобы решить эту задачу, он сделал великолепный сравнительный анализ стран Европы, Среднего Востока, Индии и Китая и пришел к заключению, что в современных западных странах существовали определенные религиозные факторы, способствовавшие подъему капитализма, в то время как в других цивилизациях они отсутствовали.

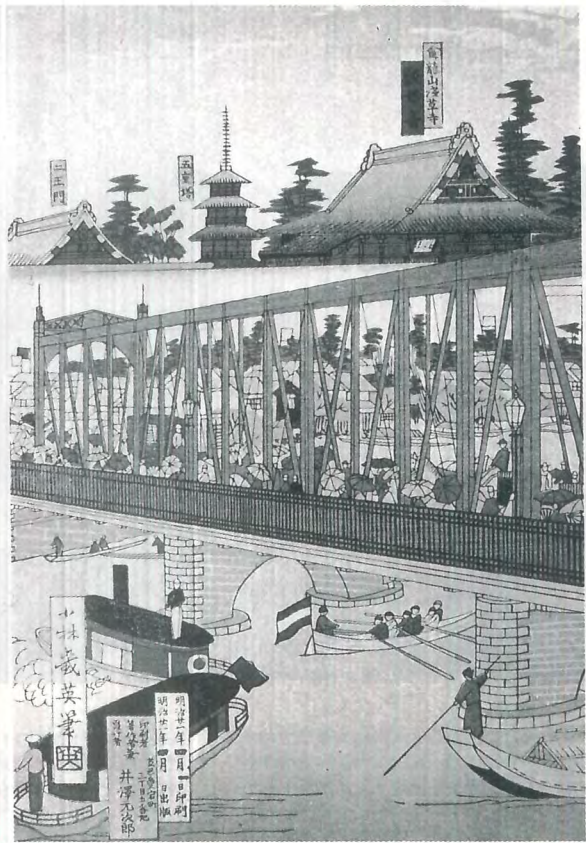
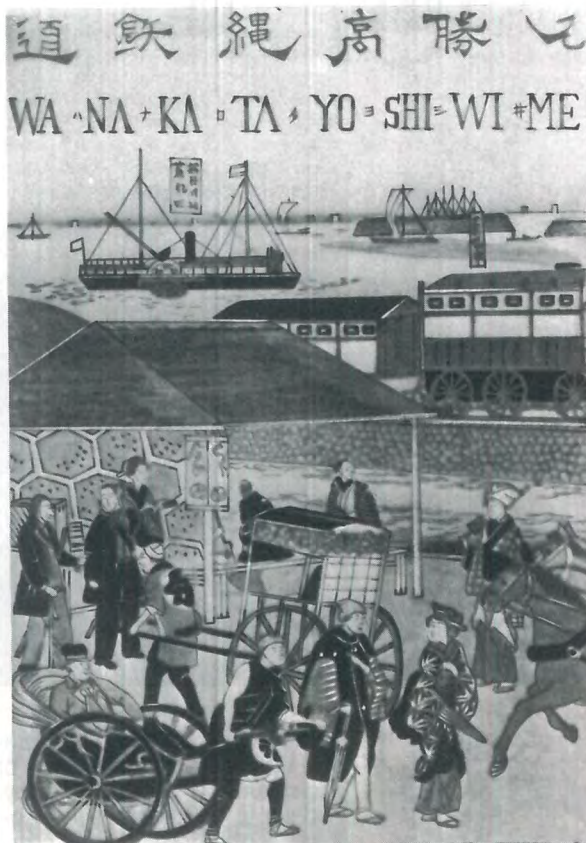
«Сублимированный эмпиризм»

Вебер считал, что конфуцианство не уступает по рациональности протестанству, но между ними есть одно серьезное различие. «Если в конфуцианстве мы найдем приспособление к жизни, то в пуританстве [или протестанстве] — задачу реорганизации мира на рациональных принципах»¹. Поэтому именно пуританство способствовало развитию естественных наук и поддерживало дух капитализма. А в традиционном Китае не было не только науки и техники, но и

естественного права и формальной логики, вот почему добиться перехода от эмпирических методов к рациональным здесь не удалось. «Все осталось на уровне сублимированного эмпиризма»¹.

Сравнительное исследование мировых религий, проведенное Вебером, можно рассматривать (так думал и сам автор) как серьезную попытку выявить культурные предпосылки и духовные основы, а также материальные последствия западной цивилизации. С другой стороны, его труд можно считать частью всеобъемлющего исследования, в задачу которого входило доказать, что экономика различных наций и народов нестабильна и подвержена влиянию малейших изменений в их этосе. Вебер завершил лишь раздел, относящийся к христианству; анализ других мировых религий — конфуцианства, индуизма и буддизма — остался незаконченным.

Тезис о нестабильности был выведен из суждения о том, что поведение католиков и протестантов неодинаково, поскольку, исходя из одного первоисточника — Библии, они толкуют ее по-разному. Вебер видит основное их различие в том, что протестанство снимает барьеры между мирянином и клерикалом, устраняя деление христианской морали на «граесерта» и «consilia», в то время как католицизм придерживается этого дуализма. Для всех направлений протестанства «единственный угодный богу образ жизни заключается не в том, чтобы вознестись над мирским в монашеской аскезе, а только в добросовестном выполнении обязанностей,

Photos Louis Frédéric © Rapho, Paris

которые налагает на человека его положение в мире. В этом и есть его призвание»¹.

Рационализм и аскетизм

Протестантское толкование Библии, таким образом, рождает концепцию труда как призвания, как божественного предопределения, поэтому земная жизнь (а следовательно, и экономическая деятельность) — исполнение воли божьей. Работа становится долгом, а это, по крайней мере на определенном историческом этапе, — необходимое условие для установления капиталистического порядка и начала экономического роста. Протестантская реформация своим расколом распространила аскетизм, до этого присущий лишь монахам, на весь светский мир. Началось рациональное использование капитала, стала применяться рациональная капиталистическая организация труда. Таким образом, протестантство внесло свой вклад в установление эффективной экономической системы (или совпало с ней).

В работах Вебера не говорится о нестабильности в Китае, Индии и Японии. Он только приходит к выводу, что ни конфуцианство, ни индуизм, ни буддизм не могли дать почвы для развития капиталистического духа: каждая из этих религий содержит важные элементы, противоречащие капитализму. Автор ближе всего подходит к тезису нестабильности, когда говорит: «Вполне возможно, что китайцы были бы в полной

Photo J. F. Yee © Metropolitan Museum Photograph Studio, New York

ПРОДОЛЖЕНИЕ НА С. 36

Революция Мэйджи 1868 г. и последующая ликвидация феодальной системы открыли Японии путь к быстрому промышленному развитию. В течение нескольких десятилетий Япония превратилась в экономического и военного соперника западных держав. Глубину перемен помогают ощутить три японские гравюры XIX в. На с. 34: улица в Эдо (теперешний Токио) в начале XIX в., работа знаменитого мастера ксилографии Утагавы Хиросигэ (1797—1858) изображает город, не тронутый переменами. Две гравюры на этой странице — «Поезд Таканава—Токио» (ок. 1875) и «Мост Адзума» (1887) — выполнены Хиросигэ III (ученик Хиросигэ). На них видны приметы индустриализации и западной культуры, вторгающихся в традиционный японский быт. Искусство японской гравюры достигло совершенства в XVIII—XIX вв. в творчестве таких великих художников, как Китагава Утамаро, Кацусика Хокусай (создатель знаменитых «36 видов Фудзи») и Хиросигэ. В XIX в. японские гравюры приобрели широкую известность в Европе, оказав большое влияние на импрессионистов и других художников.

Успехи японской экономики можно до некоторой степени объяснить особым пониманием японцами принципов Конфуция. Слева: нэцке — миниатюрная фигурка из слоновой кости, с помощью которой к поясу кимоно прикреплялись различные предметы. Она изображает китайского воителя Гуань Юя (II—III вв.), который, как считают японцы, воплощает такие почитавшиеся Конфуцием добродетели, как смелость и верность. Искусство нэцке процветало в Японии в эпоху Эдо (1603—1867).

Photo Marc Riboud © Magnum, Paris

ПРОДОЛЖЕНИЕ СО С. 35

мере способны, возможно даже более, чем японцы, ассимилировать капитализм в том виде, в каком взрастил его современный мир, со всеми его технологическими и экономическими аспектами»¹. В книге «Почему Япония добилась «успеха»?» я развил эту тему, сравнив Китай и Японию, аналогично тому как Вебер сравнивал католицизм и протестанство.

По моему мнению, между Китаем и Японией на первый взгляд не существует серьезных культурных различий. Это преимущественно конфуцианские страны. Буддизм пришел в Японию не непосредственно из Индии, а через Китай, а синтоизм, который принято считать исконно японской религией, даже в своей древней, примитивной форме был подвержен глубокому влиянию китайского даосизма. Некоторые даже полагают, что это японский вариант даосизма. Однако Японии удалось легко ассимилировать современный капитализм, в то время как Китай продолжали эксплуатировать империалисты Запада и Японии. Эту парадоксальную ситуацию можно понять, лишь взглянув на нее в свете теории нестабильности.

Верность компании — конфуцианская добродетель

Бросается в глаза, что, в то время как китайское толкование доктрин Конфуция носит индивидуалистический и гуманистический характер, японская версия имеет националистический и милитаристский оттенок. Это различие наметилось еще в VI в., когда конфуцианство впервые пришло в Японию. И не удивительно, поскольку японцы во все времена страдали комплексом неполноценности рядом с могущественной китайской империей, именно это было причиной их национальной сплоченности и агрессивности². После двухсотлетней изоляции, которая продолжалась до 1859 г., Япония испытала давление с Запада. В этот кризисный момент интеллигенции, воспитанной в японско-конфуцианском духе, удалось сплотить страну

и в конце концов сформировать сильное современное правительство. В стране стала развиваться капиталистическая экономика, основанная на служебной иерархии, пожизненном труде и верности работников своим компаниям, а также на акционерной системе, которая полностью соответствовала характеру японского конфуцианства².

Для современного капитализма западного образца необходимы два условия: объединяющее нацию государство и провозглашение демократического общества. Победу капиталистического типа хозяйства обеспечивают административная система, поддерживающая данный режим, и достаточно сильное правительство, способное проводить в жизнь рациональное законодательство

через управленческий, юридический и военный аппарат³. Именно благодаря национальной форме конфуцианства Япония, с ее классовыми и региональными противоречиями, за сравнительно короткий срок, примерно за 20 лет, легко объединилась в нацию. Правда, для этого, очевидно, существовали и другие благоприятные условия: островное положение, осознание внешней опасности (Филиппины попали в руки Испании, Китай раздирали западные государства). Как бы то ни было, к 1890 г. Япония уже имела сильное современное правительство, состоявшее из родовитых самураев и молодых выпускников университета.

Однако Японии было чрезвычайно трудно обеспечить другое условие капитализма: провозглашение демократического общества. В отличие от христианства, согласно которому перед богом все равны, конфуцианство отстаивает групповую этику и разделение обязанностей⁴, поддерживающие и укрепляющие иерархический характер общества. Поэтому во времена Мэйдзи о демократии в Японии не было и речи, так что для этой сильной, но не достигшей достаточно высокого уровня социального развития нации не подошел капитализм западного образца, основанный на конкуренции. Пришлось создавать другой тип производственной системы⁴, который тем не менее может быть включен в широкую категорию капитализма. Здесь «невидимая рука» стала более видимой, так как правительство всегда само проявляло инициативу и направляло развитие экономики. Эффективность производства стимулировалась декларируемыми

² Michio Morishima, *Why Has Japan «Succeeded»? Western Technology and the Japanese Ethos*, 1982.

³ Max Weber, *Wirtschaftsgeschichte, Abriss der universalen Sozial- und Wirtschaftsgeschichte*, 1927.

⁴ J. Hirschmeier and T. Yui, *The Development of Japanese Business 1600—1973*, 1975.

⁵ J. A. Schumpeter, *Capitalism, Socialism and Democracy*, 1943.

Преданность интересам компании, составляющая одну из основ социального сплочения в Японии, не исключает отстаивания служащими — иногда довольно решительно — своих требований. Чувство принадлежности к своей компании поддерживается широко распространенной системой ринги: служащие подают в письменном виде свои предложения, которые рассматриваются дирекцией, принимающей окончательные решения. Слева: переговоры представителей профсоюза и администрации крупной компании, производящей фотоматериалы.

Photo Van der Drift © SIPA, Japan

На интеграцию служащих в компании направлены призывы к доверительным отношениям внутри коллектива, который выглядит как «большая семья». Для работников организуются праздники и пикники, например по случаю цветения вишни (справа). Каждый год в начале апреля японские газеты и телевидение ежедневно сообщают своим читателям и зрителям, на сколько продвинулся на север «цветущий фронт».

общими целями, а не конкуренцией, и потому идея классовой борьбы затухала.

«Конфуцианский» капитализм

Можно сказать, что благодаря Японии капитализм перестал быть монохромным. Более того, если «протестантский» капитализм на Западе умирает, как указывал американский экономист Йозеф Шумпетер (1883—1950)⁵, под натиском своих собственных достижений и успехов, то подъем «конфуцианского» капитализма на Востоке становится все более очевидным. Экономический рост, достигнутый в результате конкуренции, что является, как утверждают, основным смыслом системы свободного предпринимательства, не составляет главную цель или основную функцию японской экономики. В японском обществе конкуренция затрагивает не столько взрослых, сколько молодежь, которую распределяют по разным фирмам в зависимости от их успехов в учебе. И если уж они попадают в какую-либо фирму, то им очень трудно перейти в другую, особенно в более крупную.

В довершение следует сказать, что в Японии существуют резкие несоответствия уровней заработной платы, дополнительных льгот, производительности труда, прибыли, глубокая пропасть лежит между большим бизнесом и мелкими субподрядчиками. Японский большой бизнес чрезвычайно бюрократичен; в отличие от западного, где принятие решений целиком осуществляется руководителем, он действует по системе ринги (выдвижение предложений снизу и их обсуждение наверху). Кроме того,

следует сказать, что новые индустриальные страны, такие, как Южная Корея, Тайвань, Гонконг и Сингапур, также находятся под влиянием конфуцианства и при анализе этих нарождающихся капиталистических обществ необходимо учитывать новые экономические модели.

Успех экономики этих стран обеспечивается проникновением их товаров на внешние рынки; что касается внутреннего спроса, то для их экономического роста он особого значения не имеет. Даже для Японии, обладающей довольно широким собственным рынком, внутренний спрос не является главной движущей силой прогресса. Таким образом, невозможность демократизации общества не стала серьезным препят-

ствием на пути экономического развития этих стран. Несмотря на низкий уровень платежеспособности населения, они смогли расширить производство и сделать мощный скачок, который вывел их на один уровень со странами Запада. ■

МИТИО МОРИСИМА (Япония) — экономист, с 1984 г. преподает в Лондонской школе экономики. Проблемы, затрагиваемые в этой статье, более подробно изложены в его книге «Why Has Japan «Succeeded»? Western Technology and the Japanese Ethos» (Cambridge University Press, UK, 1982).

Photo Robert Wallis © JB Pictures, Cosmos, Paris

Хотя Япония располагает достаточно широким внутренним рынком, ее промышленный рост обеспечивается в основном за счет экспорта. Слева: предназначенные на экспорт легковые машины перед отправкой.

Западная музыка в Японии

Photo Louis Frédéric © Rapro, Paris

Луиза Футорански

До недавнего времени в обиходе критиков, писавших о появлении японских музыкантов на подмостках лучших сцен мира, было пренебрежительное слово «имитаторы». Японцы же в свою очередь считают, что творчество западных художников часто страдает отсутствием зрелости и заражено вирусом чрезмерной оригинальности.

В синтоизме, религии, которая и сегодня оказывает заметное влияние на повседневную жизнь Японии, нет четкой границы между божественным и человеческим, напротив, оба эти начала объединяются на принципах анимизма. По словам японского композитора и музыковеда Акиры Тамба, «пока человек жив, его бог — умерший предок, а после смерти он сам превратится в божество для своих потомков». Поэтому японские художники вовсе не разделяют идею индивидуальной интеллектуальной собственности, с которой порой так носятся на Западе. Мастера традиционной японской музыки, живописи, каллиграфии и сценического искусства передают унаследованные от предшественников и обогащаемые ими в течение всей жизни знания ученикам, которые приобщают к этому вечно пополняющемуся источнику культуры своих преемников.

Однако как бы вески ни были наши аргументы, их явно недостаточно, чтобы объяснить, почему Япония, практически впервые открыв для себя западную музыку после второй мировой войны и

В сегодняшней Японии очень популярна классическая западная музыка. Нередко на концертных афишах мира можно увидеть имена ведущих японских исполнителей, таких, как знаменитый дирижер Сэйдзи Одзава. Это увлечение началось более ста лет назад, во времена революции Мэйдзи, когда страна открыла свои двери западной культуре. Вверху: гравюра (1887) японского художника Канэнобо, на которой изображены одетые по-европейски молодые люди на уроке пения.

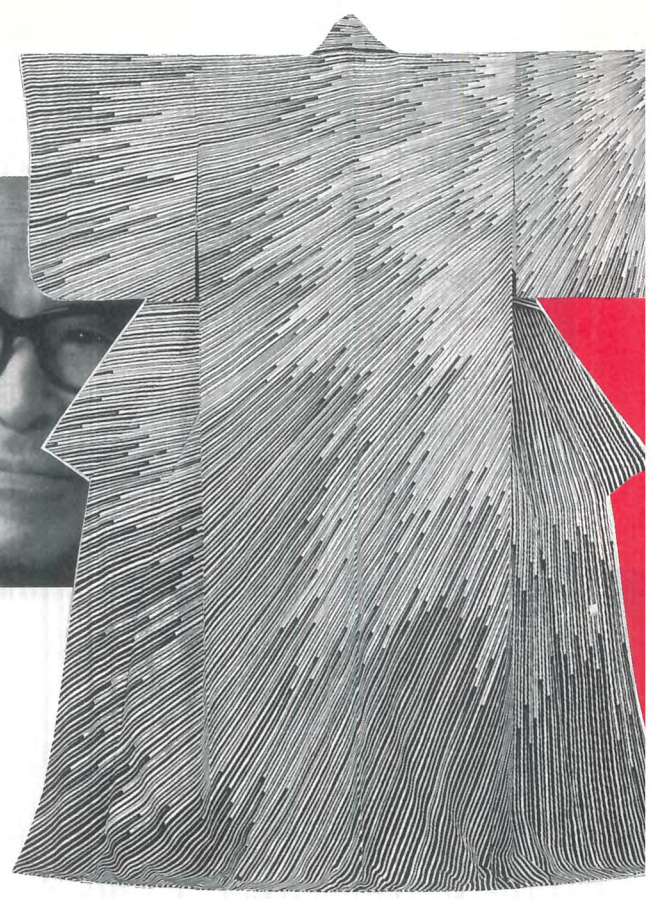
ПРОДОЛЖЕНИЕ НА С. 40

2

3

«Живые национальные сокровища»

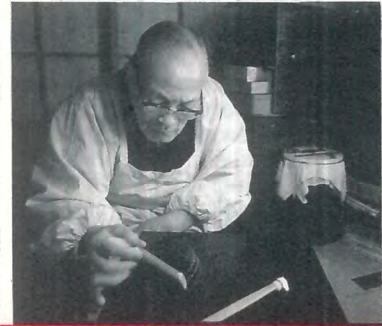
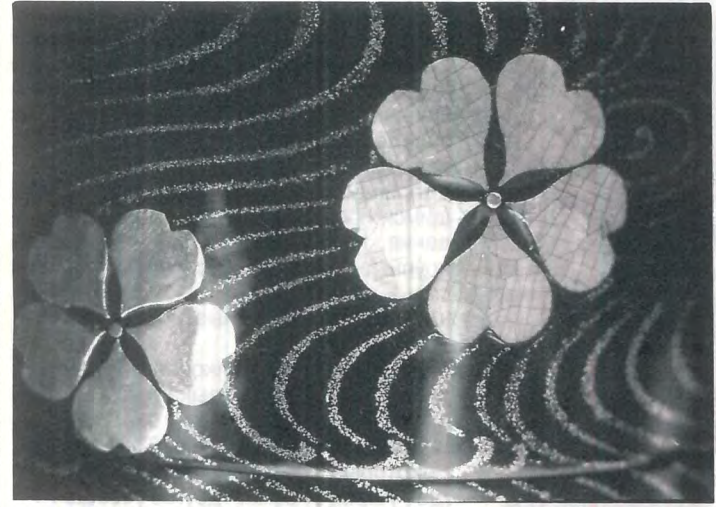
В каждой стране по-своему воздают почести представителям народной культуры, и в этом смысле Япония не исключение. Здесь наиболее выдающимся художникам и умельцам присваивают звание «носителей культурных богатств». Те, кто удостоивается этой чести, получают ежегодное пособие, дающее им возможность работать, выставлять свои произведения и передавать свое искусство молодежи. Их почитают и любовно называют Нингэн Кокухо — «живые национальные сокровища». Пять таких «лауреатов» представлены на этих страницах. 1) Фумико Ёнакава — ведущая исполнительница на кото, разновидности цитры, первоначально появившейся в Китае. Этот 2-метровый инструмент имеет 13 струн из крученого шелка или нейлона. 2) Тоёдзо Аракава, один из самых знаменитых в Японии ремесленников, возродивший древнее гончарное дело. Он живет в деревне, где создает великолепные образцы керамики. 3) Како Моригути в течение 50 лет с помощью красителей и техники XVII в. создает великолепные кимоно. Иногда на изготовление одного кимоно уходит до полугода. 4) Эйсиро Абэ — один из немногих оставшихся в стране мастеров, владеющих 1300-летним искусством ручного изготовления бумаги. Он работает дома один, сам отбирает необходимое дерево и смотрит за печью. 5) Гонрокэ Мацуда — мастер лаковых изделий. Он создает орнаменты из золотой пыли, используя для этого похожую на флейту трубочку (шүцу), а также из скорлупы перепелиных яиц. На украшение икатулки цветочным орнаментом идет иногда до 650 яиц.

Photos: Jacobi © Stern / Lynx, Paris

4

5

Сямисэн (внизу), традиционный 3-струнный щипковый инструмент, часто используется для подыгрывания кото (цитре). Хотя в Японии все еще увлекаются западной музыкой, в последние годы наблюдается возрождение интереса к народному искусству. Возросло производство наиболее распространенных японских музыкальных инструментов, таких, как сякухати (бамбуковая флейта), кото и сямисэн. Все больше детей учится играть на них.

ужасов Хиросимы, стала сегодня ведущим производителем высококачественных музыкальных инструментов, выдвинула большое число авторов и исполнителей развлекательного и популярного жанра, а в сфере серьезной классической музыки дала ряд блестящих дирижеров и солистов мирового значения.

Можно, конечно, говорить о наложении европейских моделей на местные, особенно в области искусства и образования. Вскрытие причин этого явления, которые следует искать в социологии, философии и культурной политике, выходит за рамки данной статьи. Однако ясно одно: западная музыка заняла в Японии такие позиции, что стала синонимом музыки вообще. В

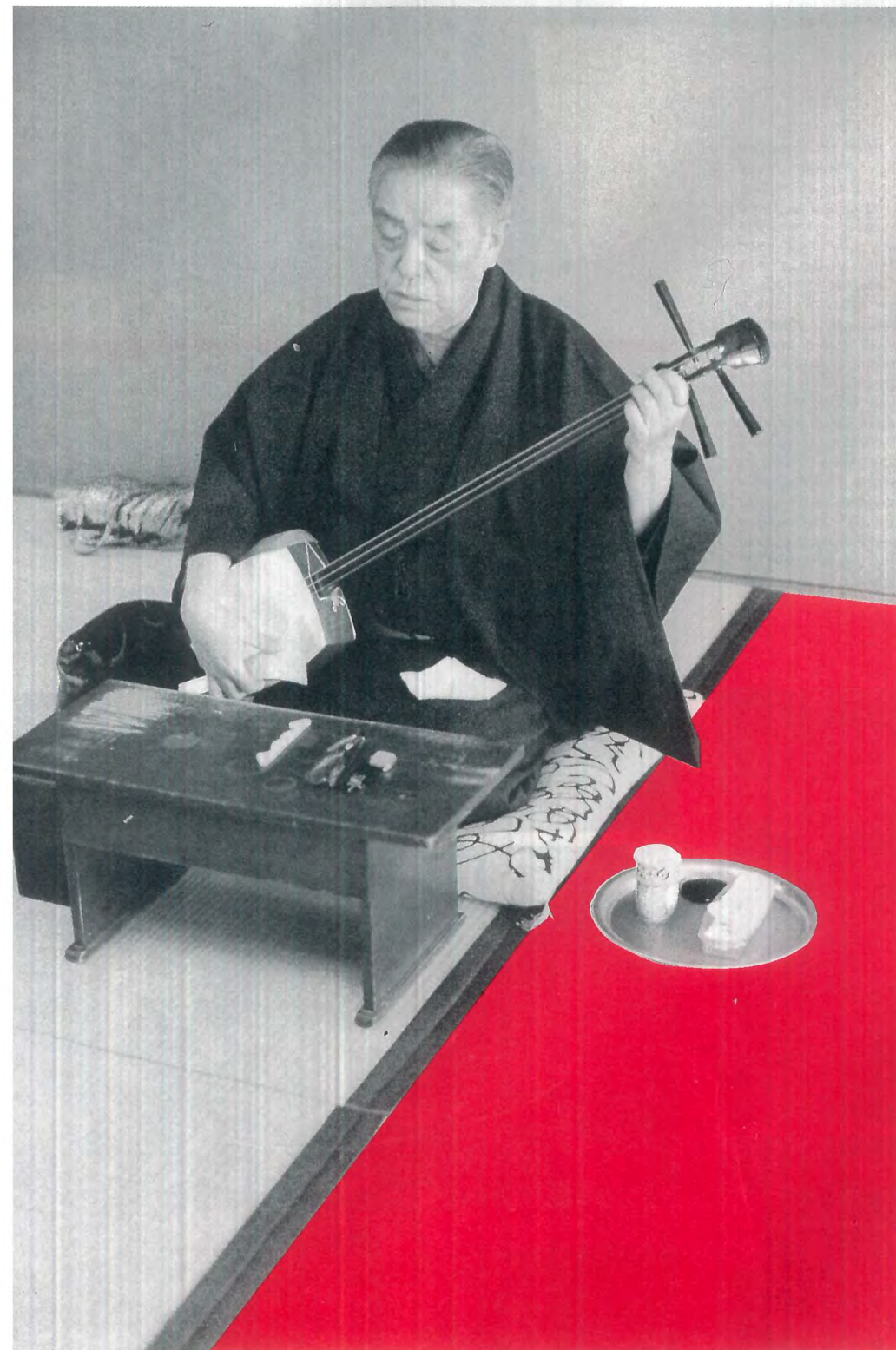
результате, говоря о своей традиционной музыке, японцы вынуждены добавлять слово «японская», чтобы было понятно, о чем идет речь.

Тем не менее это не означает, что народное творчество отошло в прошлое. После периода забвения в конце 60-х годов, когда мир охватило увлечение джазом, роком и другими новыми формами, в Японии возродился интерес к таким традиционным музыкальным инструментам, как сякухати, кото и сямисэн, что подтверждается повышенным спросом на них. Правда, японская музыка составляет лишь 10% общего исполнительского репертуара страны, но не следует забывать, что концерты традиционной музыки всегда были «полудомашними», в том смысле, что они опирались на тесную связь между учителями и учениками и посещались, как правило, друзьями исполнителей и любителями. В отличие от других событий музыкальной жизни эти концерты привлекают лишь подлинных ценителей традиционного искусства, не нуждаются в рекламе и не подвержены капризам моды.

Любая попытка изучить отношение к музыке в Японии будет неполной, если не учитывать ведущую роль женщин в этой области. Япония не исключение: общепризнано, что в средних и высших слоях любого общества занятие музыкой всегда считалось престижным. Но по японским обычаям от всех молодых девушек требуется до замужества не только овладеть искусством икебаны, чайной церемонии, каллиграфии и традиционных танцев, но и научиться играть на одном из народных музыкальных инструментов. В результате возникает тесная связь между учителем и учеником, переходящая из поколения в поколение.

В 50-е годы, когда японское общество захлестнула волна западной культуры, все больше людей стало учиться играть на фортепьяно, скрипке и арфе. Однако удивительно, что молодежь не удовлетворяли частные уроки. Тяга к музыке приняла такие размеры, что по всей стране начали создаваться настоящие музыкальные университеты. Сегодня в Японии около 150 подобных учебных заведений, включая консерватории, академии, университеты и колледжи в американском стиле, которые дают учащимся прекрасное музыкальное образование. Некоторые из них — наиболее крупные — имеют собственные детские сады, оркестры, оперные труппы, летние лагеря, начальные и средние школы.

По недавно опубликованным данным, диплом о высшем музыкальном образовании ежегодно получают около 10 тыс. молодых японцев (из них 90% девушек). Некоторые остаются преподавать там, где учились сами; другие оседают в маленьких местных консерваториях или просто передают любовь к музыке своим детям. Однако многие выпускники мечтают о продолжении образования в ведущих европейских музыкальных центрах в надежде завоевать международную известность. Рост благосостояния дает возможность все большему числу японских семей посылать своих детей учиться в Европу, где плата

за обучение подчас гораздо ниже, чем в Японии. В одной только Вене вокальному искусству и музыке обучается свыше 300 японских студентов.

Понять феноменальные музыкальные успехи японцев помогают знаменитые черты национального характера: последовательность, упорство в труде и пылкость в совокупности с послушанием учителям. Не случайно поэтому в оркестрах ФРГ, например, постоянно работает 250 японских музыкантов.

Помимо этих неоспоримых достоинств, объясняющих столь широкое присутствие японских музыкантов в симфонических оркестрах и на оперных сценах мира, есть и другие причины. Одна из них заключается в неразвитости японской культурной инфраструктуры, которая не в состоянии вобрать в себя большое число профессионалов. В Японии мало постоянных оркестров и лишь два-три из них субсидируются местными городскими властями.

До недавнего времени не могли реализоваться и планы создания национальной оперной труппы. Если учесть колоссальные затраты, требующиеся на постановку опер, становится понятным, почему такая оперная труппа, как «Никикай», получающая, казалось бы, средства из частных источников, имеет три состава на каждую постановку. Чтобы заслужить право участвовать в спектакле, каждый член труппы должен продать большое количество билетов. Таким образом, есть веские причины, вынуждающие талантливую молодежь Японии вступать в жесткую конкурентную борьбу за место на международных сценах. Как видно, старая мудрость, утверждающая, что «нет пророка в своем отечестве», все еще актуальна.

В заключение хотелось бы привести слова японского музыковеда Мамуры Ватанабэ, который в одной из своих книг шуточно замечает: «Почему японцы любят европейскую музыку?.. А почему бы им не любить ее? Ведь она прекрасна, и тяга к ней вполне естественна». ■

ЛУИЗА ФУТОРАНСКИ (Аргентина) — писательница, в 1976—1980 гг. готовила и вела программу на испанском языке для международной службы японской государственной радиовещательной компании Эн-эйч-кей. Одновременно преподавала оперное искусство в токийской музыкальной академии «Му-сасино онгаку дайгаку». Среди ее последних произведений роман «De P a Pa» (1986) и сборник стихов «La sanguina» (1987).

Photo © Max Tessier Collection

Сёхэй Оока (р. 1909) впервые стал известен как писатель своими произведениями, основанными на личном военном опыте, такими, как «Записки пленного» (1948). Кроме того, он автор эссе и романов, в частности «Казэй» (1958—1959), в котором тонко рисует портрет женщины. В романах «Детские годы» (1973) и «Юношеские годы» (1975) со свойственной ему непосредственностью и острой наблюдательностью Оока описывает ранние годы своей жизни. Вверху: кадр из фильма Кона Итикавы «Полевые огни» (1959), поставленного по одноименной повести писателя (1953), обличающей ужасы войны.

Парижские размышления о японской литературе

Токуёси Хираока

Какое-то странное удовольствие испытываешь, читая книги на родном языке за тысячи километров от Японии, в Париже, этом космополитичном городе, живя в окружении носителей чужой культуры и языка, начиная каждый день с французских газет. Отсюда японская литература кажется несколько экзотичной, отдаленной во времени и пространстве, приобретая поэтому, как ни парадоксально, удивительную свежесть. Правда, на расстоянии она воспринимается несколько отчужденно, и все-таки это литература твоей родины, вот почему неизбежно возникает чувство горечи и в то же время облегчения от того, что ты к этому не причастен, словом, целая гамма эмоций, которые нелегко объяснить.

Читая те же самые книги в Токио, сразу представляешь себе лицо писателя, слышишь его голос, вспоминаешь его походку, манеру говорить и другие подробности, какую роль сыграли его книги в твоей собственной судьбе. Дома его слова воспринимаются как голос соседа по лестничной клетке. Здесь, в Париже, эта «аура» исчезает и слово звучит как зов из иного мира.

Взять хотя бы следующий отрывок из очерка Ютаки Ханя в одном из последних номеров журнала «Бунгаккай» («Литературный мир»).

«Даже если мы действительно проникнем в мир его произведений и растворимся в нем, целый ряд удивительных интеллектуальных открытий нам так и не удастся распознать, ведь они спаяны подобно цепям нуклеотидов в модели «двойной спирали» ДНК, построенной Уотсоном и Криком; из этого умственного лабиринта невозможно выбраться, до тех пор пока мы не поймем, что должны совершить нелегкое восхождение к таким высотам нашего сознания, о существовании которых мы до сих пор даже не подозревали».

Эти строки написаны о недавно скончавшемся гениальном Тацухико Сибудзаве. Но как удивительно подходят они и к самому Ханя, который начал свой роман «Духи мертвых», задуманный как своеобразный памятник несбыточным мечтам, сразу после второй мировой войны и который сейчас, сорок лет спустя, по-прежнему кропотливо работает над ним. Но не это главное. Важнее всего тот уникальный «голос», который отличает не только немногочисленные романы Ханя, но и его критические статьи, очерки, путевые заметки и даже бесчисленные *косимаки*¹ — отзывы на произведения других писателей. Когда слышишь его характерные нотки, которые так часто пропадают при переводе, невольно испытываешь волнение, будто

Photo © Hiroko Govaers

пытаешься постичь сигналы, пришедшие из далеких галактик.

Начиная с Хания и его современников, принадлежащих к «первой послевоенной школе» писателей, вплоть до Масахико Симады, которому нет еще и тридцати, развитие современной японской литературы тесно связано с движением, ставившим своей целью изменить японское общество. В романе «Дивертисмент для юных левых», принесшем ему популярность, Симада высмеивает наивность некоторых «борцов» за мир, которые, как он считает, занимаются детской игрой. С этой целью, например, для передачи понятия *саёку* («левый»), столь почетного в послевоенные годы, он берет не идеографическое письмо, а простые фонетические знаки, которыми пользуются дети, прежде чем научатся писать «как взрослые». Но, помимо сатиры, в романе чувствуется симпатия автора к той части молодежи, которая по-настоящему борется, вступая в столкновения с полицией во время выступлений против японо-американского «договора безопасности» (1960) и студенческих волнений (1970). Когда 40 лет назад Ютака Хания, Кэн Хирано и другие писатели, пережившие войну и ее последствия, создали журнал «Киндай бунгаку» («Литература современности»), они еще верили в политическую значимость литературы. Но со временем они перестали отличать «революцию в искусстве» от «революционного искусства», что сделало их уязвимыми для нападок «националистической» школы, и их влияние ослабло. Но роман «Духи мертвых» с его темой «перманентной революции» по-прежнему выделяется среди других произведений: «голос» Хания продолжает будоражить души читателей.

Среди известных писателей, не принадлежавших к левым, был Сёхэй Оока. В его творчестве заметно влияние Стендаля. Участник войны, затем узник лагеря для военнопленных, впоследствии, отдавая дань памяти товарищей, погибших во время отступления, он создал крупное произведение «Сражение на Лейте», в котором дал глубокий анализ современной войны. Еще одной примечательной фигурой был Юкио Мисима. Известный писа-

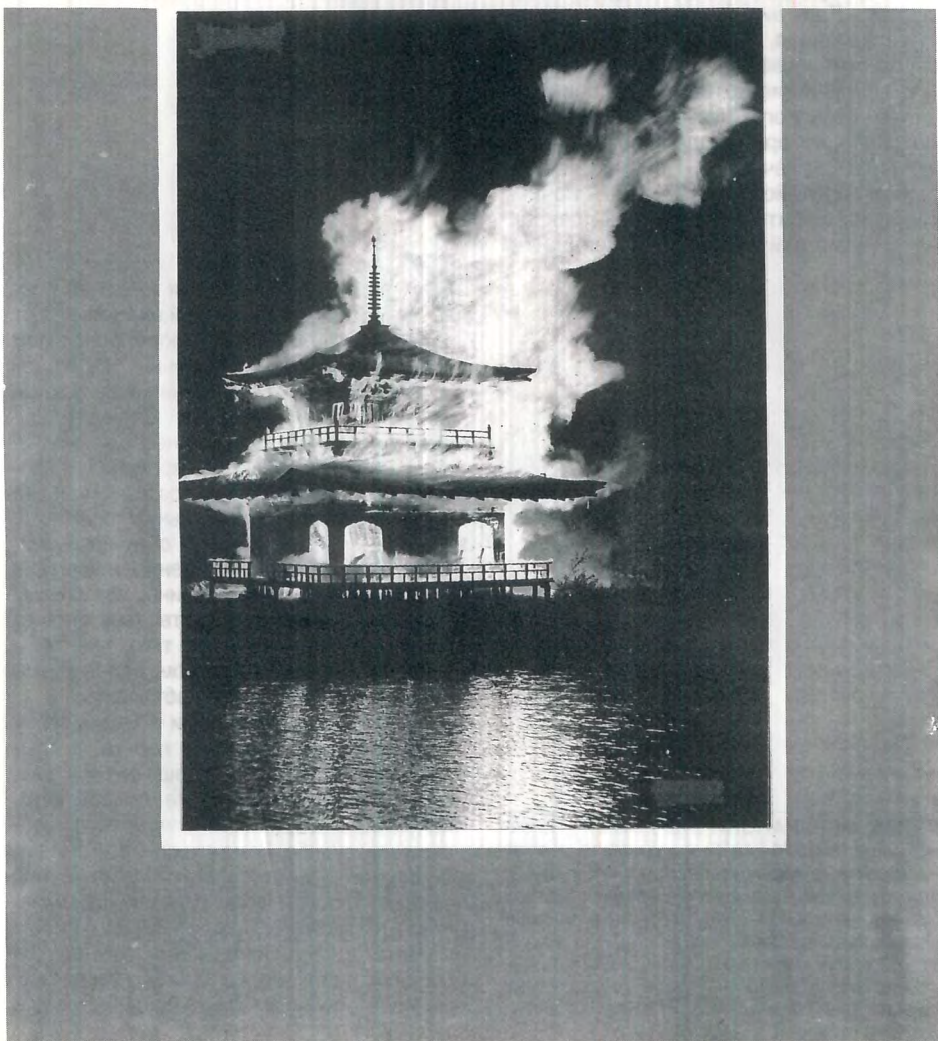
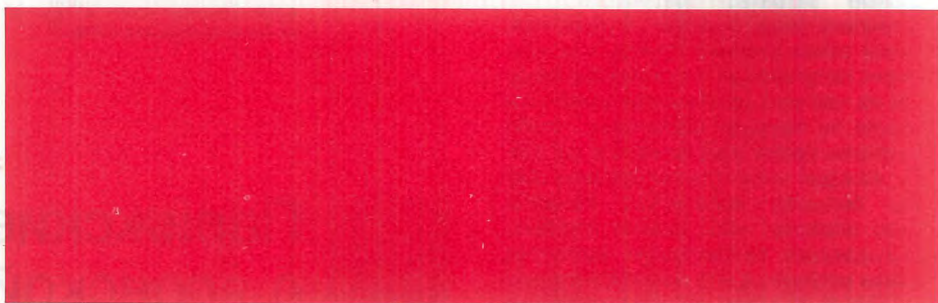

Photo © Max Teesler Collection

Слева: кадр из фильма «Привокзальная гостиница» (1958) режиссера Сиро Тоёды по мотивам романа Масудзи Ибусэ (р. 1898), который в основном работал в жанре рассказа, создав такие популярные в Японии произведения, как «Деревня Тадзинко» (1939) и «Эхай-тайтё» (1950). В них не без юмора описывается жизнь в городах и селах страны. За повесть «Черный дождь» (1966), в центре которой свидетельства очевидцев хиросимской катастрофы, Ибусэ был удостоен премии Номы, одной из высших литературных наград в Японии. В 1982 г. он опубликовал свою автобиографию «Топография Огикубо».

Внизу слева: кадр из фильма Кона Итикавы «Большой пожар» (1958), поставленного по роману Юкио Мисимы (1925—1970) «Золотой павильон» (1956), в котором рассказывается о том, как молодой буддийский монах, одержимый красотой храма, сжигает его. Юкио Мисима написал много произведений. Среди них автобиографический роман «Исповедь маски» (1949), роман «Шум волн» (1954), сборник «Пять современных пьес для театра Но» (1956). Мисима покончил с собой через несколько дней после завершения работы над трилогией «Море изобилия» (1965—1970). В его противоречивом творчестве отразилась борьба западного влияния с традиционными японскими ценностями.

Photo © Hiroko Govaers

тель, стоявший на ультранационалистических позициях, он то и дело шокировал своими выходками общественность, пока окончательно не впал в крайность и не совершил хакарири.

Однако более заметен талант Масудзи Ибусэ, чьи произведения представляют собой своеобразную комбинацию так называемого «эго-романа» (писатели этого направления делают основной упор на подробном описании частной жизни) с «чистой литературой», типичным представителем которой был Хидэо Кобаяси. Среди многочисленных работ Ибусэ, отличающихся отточенностью стиля и своеобразным юмором, выделяется роман «Черный дождь» (1966), посвященный трагедии Хиросимы. По словам автора, к созданию этого произведения его побудило чувство безысходности, возникшее при чтении газет во времена вьетнамской войны, когда казалось, что из-за постоянных пополнений американской армии войне не будет конца.

Японских писателей отличает исключительная серьезность, особенно по отношению к таким понятиям, как честь и справедливость. Однако в наши дни эта тенденция, единственным выразителем которой является Кэндзабуро Оэ, может вылиться в «чистую литературу». Сторонники этого направления исходят из «этики», которую до войны в Японии преподавали в начальных школах. Ее истоки коренятся в моральных принципах Конфуция,

оставивших глубокий след в умах и сердцах японской интеллигенции еще со времен сёгуната Токугавы, когда учение Конфуция и Мэнцзы превратилось практически в государственную религию. Главный вопрос конфуцианской этики, в отличие от христианской, не «для чего жить?», а «как лучше всего прожить жизнь?».

Дзюнносукэ Ёсиюки, Сюсаку Эндо, Сётаро Ясуоки и другие представители так называемой «третьей волны»² послевоенных писателей отвергали излишний, по их мнению, интеллектуализм «чистой литературы», отрицали влияние литературы на политику и называли себя «бедными студентами», «недоучками» и «пропащими». Тем не менее в наши дни они стали членами престижного Комитета по присуждению премий Акутагавы и даже Японской академии искусств, так что теперь их, похоже, можно отнести к хранителям «чистой литературы». Однако на самом деле они вовсе не относятся к этому направлению, как и Ясуси Иноуэ, о котором многие (особенно на Западе) говорят как о возможном претенденте на Нобелевскую премию.

Не только эта группа, но и приверженцы «эго-романа» склонны судить о том, что является, а что не является «чистой литературой», так же как одно время было принято делить литературу на «прогрессивную» и «непрогрессивную». Возьмем, например, «Рассказ бешеного ветра» Дзюна Исикавы, писателя необычайной

Мастер слова Ясуси Иноуэ (р. 1907) — автор многих романов, экранизация которых способствовала росту его популярности. Фильм, поставленный в 1963 г. Сиро Тоёдой по мотивам романа Иноуэ «Юсю Хэйя», рассказывает о привлекательной женщине из среднего класса, страдающей в поисках истинной любви (вверху). Иноуэ известен также как автор полных фантазии исторических романов: «Синий волк» (1960) и «Буря» (1963), действие которых разворачивается в древнем и средневековом Китае, Монголии и других странах, располагавшихся вдоль Шелкового пути. Иноуэ был удостоен многочисленных литературных наград. Его творчество играет важную роль в культурной жизни Японии.

¹ Косимаки (буквально — набедренная повязка) — узкая полоса бумаги, обернутая вокруг суперобложки новой книги, с краткой аннотацией, написанной известным писателем или специалистом.

² Так называют третье послевоенное поколение японских писателей. Первое относится к 1945—1946 гг., второе — к началу 50-х годов. Представители «третьей волны» заявили о себе примерно в 1952—1953 гг.

Photo © Max Tessier Collection

В 1961 г. Нагиса Осима поставил фильм по рассказам Кэндзабуро Оэ (р. 1935), вошедших в сборник «Сишу» (1958), принесший писателю крупную литературную награду — премию Акутагавы. Написанные в великолепной гротесковой манере романы, такие, как «Футбол 1860 года» (1967), отражают интерес автора к вопросам истории и политической жизни Японии. Заметный отпечаток на творчество писателя наложили его отношения с умственно отсталым сыном, что нашло свое выражение в романе «Личный опыт» (1964), переведенном на многие языки. Оэ опубликовал несколько сборников рассказов.

Писатель и критик Ютака Ханя (р. 1910) занимает особое место в современной японской литературе. С начала 30-х годов вплоть до окончания второй мировой войны он разделял судьбу многих радикально настроенных представителей японской интеллигенции: тайная политическая деятельность, арест, тюрьма (1932—1933), затем молчание на протяжении долгих военных лет. Находясь в заключении, он прочитал «Критику чистого разума». Встреча с философией Канта оказалась для него решающей. Логика, выходящая за пределы разума, вызывала у него восхищение. В 1945 г. Ханя посвятил себя литературе и вместе с друзьями основал журнал «Киндай бунгаку» («Литература современности»), который более 20 лет был ареной идеологических споров, а также знакомил читателей с интересными произведениями. Роман Ютаки Ханя «Духи мертвых» стал событием в литературной жизни Японии. Это пока еще незаконченное произведение (первый том вышел в свет в 1948 г., второй — в 1976 г.), действие которого разворачивается на протяжении всего пяти дней, представляет собой попытку отобразить экзистенциалистские поиски нескольких героев, чувствующих безвыходность своего положения, ловушку, или, говоря словами самого Ханя, «проверить масштабы огромной и уникальной фонемы, звук которой доносится от одного конца космоса до другого». Будучи уже известным романистом, в 1955 г. Ханя привлек к себе внимание как публицист. Его взгляды на литературу и политику откровенно изложены в таких произведениях, как «Политика во власти галлюцинаций» (1960), — размышления о происхождении и характере политической власти, «Мир китайских теней» (1966) — автобиографический рассказ о духовной жизни автора до 35 лет, «Черные лошади во мраке» (1970) — сборник рассказов, 9 вариаций на тему: мысли в снах, мысли в темноте, мысли в зеркалах. Эти рассказы, в которых силой авторского воображения и поэтического видения абстрактные философские размышления воплощаются в образы, столь же самобытны, как «Духи мертвых».

Кэндзи Накагами (р. 1946) первым из писателей послевоенного поколения был удостоен премии Акутагавы за повесть «Мыс», опубликованную в 1975 г. В 30 лет он пережил творческий перелом. В своих ранних рассказах, с 1966 г. появившихся в литературной периодике, он говорил о жизни молодых людей, которые, как и он сам, покинули отчий дом и переехали в Токио в середине 60-х годов. С 1975 г. Накагами начинает волновать тема поиска родных корней. Через своего главного героя, молодого человека по имени Акиюки, автор раскрывает сложные отношения в семье, живущей в его родных местах, на полуострове Кии, где еще сильны древние верования, объединяющие живых и мертвых. Продолжением начатых в повести «Мыс» раздумий стали романы «Море мертвых деревьев» (1977) и «Бальзамин» (1980), рассказывающий о жизни женщин этой семьи. Получилась своего рода трилогия. На страницах «Звездного часа на краю Земли» (1983) вновь появляется главный герой первой части. Реалистические картины жизни *буракумин**, к которым принадлежал сам писатель, помогли разрушить табу, связанные с этой группой изгоев.

* *Буракумин* (дословно — люди из деревень) — так называли определенную группу людей, к которой принадлежали кожевники и мясники. В период Эдо они часто подвергались гонениям. Во времена Мэйдзи был принят закон, запрещающий любую дискриминацию *буракумин*, однако старые предрассудки живы и по сей день, особенно это касается найма на работу и заключения браков.

ДОМИНИК ПАЛЬМЕ (Франция) — переводчица, специалист по японскому языку и литературе. Автор очерка о японской поэзии «*Chansons pour l'enfance, un poète japonais: Kitahara Hakushu*» (1982).

творческой фантазии, или «Человек-ящик» (1973) Кобо Абэ, авангардиста с международным именем, или исполненную любви и страсти книгу «Четыре времени года» Синьитиро Накамуры — ни одно из этих произведений нельзя отнести к «чистой литературе», поскольку в них не ставится вопрос «как жить?».

Вот какой рисуется мне литературная панорама моей страны, потому что я слишком много думаю о родине, интересуюсь политикой и верю в «чистую литературу». На этом полотне видны и другие фигуры, такие, как Ханья или значительно более молодой Кэндзи Накагава. Есть там и Ацуси Мори, Нобуо Кодзима, Мэйсэй Гото и Минако Оба, которые стоят в стороне от всех остальных, что, как ни странно, придает им еще большее очарование.

В Японии всем прекрасно известно, что существует четкое разделение между двумя наиболее престижными литературными наградами, премией Акутагавы и премией Наоки: первая присуждается за «чистую», вторая — за «популярную» литературу. Члены Комитета по присуждению премии Акутагавы иногда отдают предпочтение действительно оригинальным произведениям. Достаточно назвать такие работы, как «Ёко» Ёсикити Фуруи, «Голубой до прозрачности» Рю Мураками или «Приношение Эгейскому морю» мастера гравюры по дереву Масуо Икэды. Но даже когда такое случается, некоторые члены комитета все-таки выступают против, а порой даже выходят из комитета на том основании, что стиль автора слишком необычен или идеи чересчур смелые. За этим неизбежно следует определенная реакция, и опять основным критерием оценки становится законченность или «округлость» представленных работ, а не их самобытность. Творческий потенциал претендента во внимание не принимается, и премию обычно присуждают авторам сборников небольших рассказов, написанных без претензий, зато отличающихся изрядной долей *саби*³ и приятным стилем, чем-то напоминающим членам комитета их собственный. Так проявляется приверженность к «чистой литературе».

В 60-е годы, когда преобладал такой подход, всем новым лауреатам, год из года появлявшимся на литературной сцене, оказывалось за сорок, а то и за пятьдесят, и уже стали поговаривать о «старении» японской литературы. Конец этому очевидному застою положило внезапное появление Рю Мураками. Вслед за ним замелькали имена талантливых тридцатилетних писателей — Кэндзи Накагами, Митицуна Такахаси, Масахиро Мита, Со Аоно, Харуки Мураками и Вахэй Татэмацу.

Из всей этой плеяды полное признание официальных литературных кругов получил, пожалуй, лишь Кэндзи Накагами за свою прекрасную повесть «Море мертвых деревьев», в которой день за днем описывается жизнь молодого парня, упорно пробирающегося себе дорогу в жизни в условиях сложных взаимоотношений традиционной семьи, живущей в отдаленном районе Кумано, между горами и морем. Мотив поиска своих истоков роднит эту книгу с романом «Корни», хотя здесь он не так

заметен, как в «Странствиях в чужой стране» Ясуоки. Подобно «Клубку растений на песке» Ёсиюки, эта книга пронизана ужасом кровосмешения. Для нее характерен ряд черт «чистой литературы», например детальное описание повседневной жизни простых сельских жителей, не имеющих ни образования, ни собственности. Книга наполнена солнечным светом и шумом ветра, любовью к цветам, запахом пота и чувством единения с природой.

«Начав работать, Акиюки наконец почувствовал, что все его существо наполняется солнцем. Мокрое от пота тело отзывалось на любое дуновение ветерка. Тень его растянулась по земле, в которую вонзалась мотыга. Потом он взял в руки лопату и услышал свое дыхание, подымавшееся из опустошенного тела, состоявшего, казалось, лишь из рук, живота и мышц. Он слился с обожженной, пахнувшей солнцем землей, и все вокруг дышало с ним в унисон — и воздух, и земля, и горы».

Далее эта тема развивается со всевозрастающим напряжением: «Вот теперь он поработает. Мотыга вонзилась в землю, лопата отбросила комья. Мотыга стала Акиюки. Лопата стала Акиюки... Он впитывал в себя солнце. Он купался в его свете. Акиюки растворялся в солнечных лучах. Он превращался в деревья, камни, воздух. Выпрямляясь, Акиюки дрожал, как травинка». Когда читаешь эти строки далеко от дома, то воспринимаешь их вовсе не как лирическое описание молодого крестьянина, упоенного своим трудом. Прежде всего здесь чувствуется музыка, к которой представители «чистой литературы», мне

кажется, относятся в высшей степени неодобрительно — это рок с его мощным неослабевающим пульсом... Не только ритм подобных описаний, но и намеренное нагнетание напряжения в сценах, имеющих первостепенное значение для повести, явно свидетельствуют о том, что она «сочинялась» (в музыкальном смысле этого слова) в высоко интеллектуальной манере. Следующий его роман «Бальзамин», где словами матери Акиюки описывается ее тяжелая жизнь, неожиданно напоминает Уильяма Фолкнера. В опаленной солнцем провинции Кумано, с ее многочисленными легендами и преданиями, Накагами создает яркий мир, не уступающий миру героев фолкнеровского округа Йокнапатофа. Но кто знает, может быть, у меня просто разыгралась фантазия, потому что я читаю родную литературу в Париже.

ТОКУЁСИ ХИРАОКА (Япония) — преподает с 1970 г. в токийском университете Васэда. Автор сборников рассказов «Исчезнувшая труба» и «Съедение розы», а также многочисленных литературно-критических статей и переводов французских авторов на японский язык. Эта статья написана автором в Париже, где он в течение года занимался научной работой.

Романы Кобо Абэ (р. 1924) представляют собой фантастические притчи. Одна из любимых тем писателя — отчужденность современного человека в безликом удушающем мире. В романе «Чужое лицо» (1964), экранизированном в 1966 г. Хироси Тэсихагарой (кадр внизу), жена оставляет своего изуродованного взрывом мужа. В надежде обрести новое лицо и вернуть жену он решает на тайную пластическую операцию. Абэ завоевал известность в Японии в 1951 г., когда был удостоен премии Акутагавы за сборник рассказов «Стена». Международное признание пришло к писателю после выхода в свет романа «Женщина в песках» (1962). Действие его последнего произведения «Ковчег сакуры» происходит в атомном убежище.

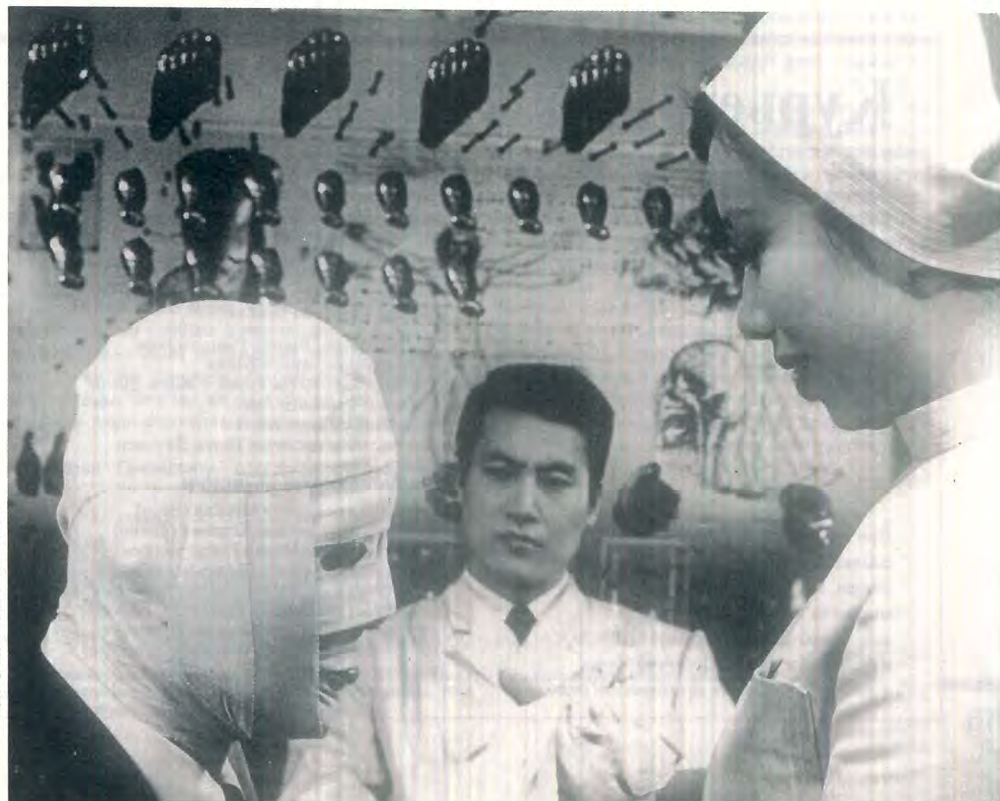

Photo © Max Tessier Collection

³*Саби* — спокойная, элегантно-простота. Качество, которое традиционно ценилось в японской литературе. — Прим. ред.

Выступление по советскому

Дорогие товарищи!

Завершился визит в Соединенные Штаты Америки. Путь к нему был непростым: были Женева, Рейкьявик, интенсивный диалог между руководителями Советского Союза и Соединенных Штатов, напряженные дипломатические переговоры.

Мы постоянно взаимодействовали со своими союзниками, происходил активный обмен мнениями с руководителями других государств. Мы особенно внимательно прислушивались к настроениям международной общественности, деятелей науки и культуры, представителей различных политических течений, выступающих за мир. Все это обогащало наше представление о происходящих в мире процессах, придавало уверенность в том, что мы действуем в правильном направлении.

Таким образом, мы ехали в Вашингтон, имея мандат своего народа, своих союзников и учитывая настроения и чаяния миллионов людей доброй воли во всем мире.

Направляясь в США, мы очень основательно готовились, всесторонне взвешивали и не раз обсуждали в Политбюро принципиальную позицию, с которой будем там выступать, еще раз просчитали все с военно-технической точки зрения. Философско-политической основой этой подготовки были решения XXVII съезда нашей партии и провозглашенная 15 января 1986 года программа безъядерного мира.

Содержание и результаты визита известны. Мы подписали с Президентом США Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности. Достигнутое соглашение по этому вопросу — крупное событие в мировой политике, победа нового политического мышления.

В центре интенсивных переговоров, которые заняли большую часть всего времени, были вопросы сокращения стратегических наступательных вооружений. Мы подтвердили нашу готовность на 50-процентное сокращение СНВ при условии сохранения Договора по ПРО в том виде, в котором он был принят в 1972 году. Что и отражено в совместном заявлении по итогам встречи. Мы вновь остро поставили вопрос о необходимости скорейшего заключения

договора о полном прекращении ядерных испытаний. Основательно были обсуждены вопросы ликвидации химического оружия и сокращения обычных вооружений и вооруженных сил в Европе.

В общем, мы стремились, чтобы вопросы разоружения, снятия ядерной угрозы, ослабления напряженности, конфронтации в мире, укрепления новых подходов в строительстве международных отношений были выдвинуты на первый план. Так оно и произошло на самом деле в ходе переговоров.

Главным итогом вашингтонского визита является, конечно, подписание Договора о ликвидации двух классов ядерных ракет. Это первый шаг по реальному уничтожению ядерного арсенала. Еще вчера для многих это казалось утопией. Сегодня это становится фактом.

Говорят, что сделан лишь скромный шаг — человечество избавится всего от 4 процентов ядерного оружия. Но не надо забывать, что, по подсчетам ученых, для того чтобы уничтожить все живое на Земле, достаточно 5 процентов.

Но и это еще не все. Договор всем показал возможность поворота от гонки вооружений к разоружению. Теперь дело за тем, чтобы сохранить атмосферу, которая позволила заключить Договор, действовать и дальше конструктивно и последовательно. А для этого в первую очередь необходимо придать Договору законную силу — ратифицировать его.

Что касается Верховного Совета СССР, то я надеюсь, что он поддержит соглашение, ибо такова воля нашего народа. Немаловажно и то, что многие депутаты Верховного Совета, его комиссии, в первую очередь иностранные комиссии, практически участвовали в рассмотрении вопросов, связанных с подготовкой договора.

Мы знаем, что в США идет борьба вокруг ратификации. Но мы также знаем и то — и это мы еще раз особо остро почувствовали, находясь в Америке, — что американский народ поддерживает этот Договор.

Сейчас время очень ответственное. И я хочу сказать вам, что на встрече в Берлине руководителями стран — участниц Варшавского Договора в полную

силу проявилось понимание значимости и переломного характера данного момента. В принятом коммюнике, единодушно одобрив итоги визита, они решительно заявили, что и на новом этапе будут действовать согласованно в интересах разоружения и международного сотрудничества.

Можно сказать, что и в большинстве стран мира весьма позитивно отреагировали на итоги вашингтонской встречи.

Но когда происходит ломка старых воззрений, неизбежно возрастает сопротивление со стороны тех, кто связывает с ними свое политическое и материальное благополучие. Прошло всего три дня после нашего возвращения, а определенные круги в Соединенных Штатах, да и в других западных странах уже мобилизуются, чтобы предотвратить изменения к лучшему. Все громче раздаются голоса, призывающие руководство Соединенных Штатов не заходить далеко, остановить процесс разоружения. Требуют срочно принять меры по «компенсации» ликвидации ракет средней и меньшей дальности путем подтягивания в Европу и к Европе новых ядерных сил, модернизации остающихся там ядерных и других вооружений. Кто-то даже пытается утверждать, будто переговоры в Вашингтоне сняли разногласия по такому вопросу, как СОИ. И под этим предлогом призывают к форсированию этой программы.

Прямо скажу: это опасные тенденции и недооценивать их нельзя. Они могут подорвать наметившийся поворот в процессе демилитаризации международных отношений.

Мы рассчитываем, что мировое сообщество, прежде всего народы Соединенных Штатов и Советского Союза, здоровые силы во всех странах удвоят усилия, чтобы уберечь первый росток ядерного разоружения, пробившийся через бетонные толщи предрассудков и стереотипов враждебности. Сейчас очень важно, как говорится, всем миром способствовать углублению позитивных тенденций, укреплению взаимопонимания и сотрудничества. Достигнутые договоренности представляют собой исторический шанс для всего человечества начать избавляться от тяжкого бремени милитаризма и войны, которые не

Курьер

Издание ежемесячного журнала «Курьер ЮНЕСКО» на русском языке с 1957 года осуществляется ордена Трудового Красного Знамени издательством «Прогресс» (Москва) по поручению Комиссии СССР по делам ЮНЕСКО.

При перепечатке материалов обязательна ссылка на «Курьер ЮНЕСКО» с указанием автора. Подписанные статьи выражают мнение их авторов, которое может не совпадать с точкой зрения ЮНЕСКО и редакции журнала. Подписи к фото и заголовки готовятся сотрудниками редакции.

Главная редакция (Париж)

Заместитель главного редактора:
Ответственный секретарь Джиллиан Уиткомб
Помощники главного редактора
русский яз.:
английский яз.: Рой Мэлкин
Каролин Лоуренс
французский яз.: Алэн Левэк
Неда эль-Хазен
испанский яз.: Ф. Фернандес-Сантос
арабский яз.: Абдель Рашид аль Садек Мухаммади
издания шрифтом Брайля:

Документация: Виолет Рингелстайн
Иллюстрации: Ариен Бейли
Оформление: Жорж Серва и Жорж Дюкре
Реклама: Фернандо Аинса
Реализация: Генри Кнобил
Специальные проекты: Пегги Джулиен

Национальные редакции

немецкий яз.: Вернер Меркли (Берн)
японский яз.: Сеитиро Кодзима (Токио)
итальянский яз.: Марио Гвидотти (Рим)
язык хинди: Рам Бабу Шарма (Дели)
язык тамилы: М. Мохаммед Мустафа (Мадрас)
язык иврит: Александр Бройдо (Тель-Авив)
персидский яз.: Садуг Ванани (Тегеран)
голландский яз.: Поль Моррен (Антверпен)
португальский яз.: Бенедикто Силва
(Рио-де-Жанейро)

турецкий яз.: Мефра Ильгасер (Стамбул)
язык урду: Хаким Мохаммед Саид (Карачи)
каталанский яз.: Жоан Каррерас-и-Марти
(Барселона)
малайзийский яз.: Азиза Хамза (Куала-Лумпур)
корейский яз.: Пак Сен-Гиль (Сеул)
язык суахили: Доминно Рутазебсиба
(Дар-эс-Салам)
македонский, хорватско-сербский, словенский,
сербскохорватский языки: Божидар Перкович
(Белград)
китайский яз.: Шень Гофень (Пекин)
болгарский яз.: Горан Готев (София)
греческий яз.: Николас Папагеоргиу (Афины)
сингальский яз.: С. Дж. Суманасекера Банда
(Коломбо)
финский яз.: Марьятта Оксанен (Хельсинки)
шведский яз.: Лина Свенсен (Стокгольм)
баскский яз.: Гуруц Лараньяга (Сан-Себастьян)
тайский яз.: Савитри Суванатхит (Бангкок)
вьетнамский яз.: Зао Тунг (Ханой)

М. С. Горбачева

телевидению

только собирали чудовищные человеческие жертвы, но и отбрасывали назад экономическое развитие, материальную культуру, сковывали свободу, духовное и социальное творчество народов.

В ходе визита при обсуждении всех вопросов так или иначе вставал вопрос о роли и ответственности Соединенных Штатов и Советского Союза, о том, как они должны взаимодействовать, как строить отношения, ибо это важно и для самих наших двух стран, и для мира в целом. Понимание этого растет не только в Советском Союзе, но и в Соединенных Штатах. Это мы заметили, встречаясь с политическими и общественными деятелями, с представителями науки и культуры.

В наших беседах с Президентом и другими американскими политиками мы не раз подчеркивали — надо понять новые реальности и соответственно действовать в отношениях друг с другом, сосуществовать, с уважением относиться к выбору каждого народа.

Мы прямо сказали, что приехали в Вашингтон не для того, чтобы заниматься препирательством, взаимными обвинениями, — а к этому весьма часто прибегает американская сторона: мы приехали для того, чтобы заниматься реальной политикой.

Конечно, я думаю, для всех вас, товарищи, интересно узнать, какова была реакция, поведение администрации Соединенных Штатов, каковы ее позиции, ее взгляд на наши отношения, происходят ли тут какие-либо перемены? Мы в делегации не раз обменивались мнениями по этому нелегкому для понимания вопросу. И должен вам сказать: если стоять твердо на почве фактов, не впадать в преувеличения, то о коренном переломе в наших отношениях пока говорить рано, пока рано.

Тем не менее хочу отметить, что диалог с Президентом и другими политическими деятелями Соединенных Штатов был иным — более конструктивным, чем прежде. Из общения с представителями интеллектуальных и деловых кругов, средств массовой информации я также вынес впечатление, что перемены происходят. Но особенно обратило наше внимание, как нарастала волна, волна доброжелательства со стороны простых американцев — по мере того, как они — через телевидение, печать — узнавали, с чем мы приехали, каковы действительно наши взгляды, чего мы хотим и как на самом деле советские люди относятся к Америке и американцам.

Я сказал Президенту: советское руководство

готово к тому, чтобы переводить наши взаимоотношения в русло взаимопонимания, в русло конструктивного взаимодействия в интересах наших стран и всего мира. Именно в этом контексте мы ставили и другие вопросы, приглашая администрацию Соединенных Штатов к совместным поискам развязок наиболее острых проблем современной политики.

Перед собеседниками мы настойчиво поднимали вопрос о возможностях наших двух стран по оказанию содействия в политическом урегулировании региональных конфликтов.

И хотя мы тут не продвинулись далеко, однако дискуссия по этим вопросам внесла большую ясность и позволяет рассчитывать на продолжение диалога.

В совместном советско-американском заявлении на высшем уровне, как вы заметили, большое место отведено развитию двусторонних отношений между СССР и США. По ряду вопросов достигнуты конкретные договоренности — в сфере научного сотрудничества, культурных обменов, контактов между людьми. И на переговорах, особенно на встрече с представителями деловых кругов, заинтересованно обсуждались вопросы расширения экономического сотрудничества, торговли. Позитивные перемены в этой сфере имели бы большое значение и для улучшения всей атмосферы советско-американских отношений, да и обстановки в мире. Но тут, как мне уже приходилось говорить, потребуются огромные усилия с обеих сторон, прежде всего — с американской, по вине которой нагромождено немало искусственных преград на пути к нормальным взаимовыгодным экономическим связям.

Хотел бы, дорогие товарищи, сказать вам вот еще о чем. Визит в США очень ясно показал, с каким вниманием весь мир следит за нашей перестройкой. Задают бесчисленное количество вопросов, самых разнообразных. Что такое перестройка? Есть ли ей сопротивление? Насколько решительно мы с вами настроены в пользу перестройки? Не остановимся ли мы на полпути? Принимает ли народ столь глубокое обновление советского общества?

Это действительно неподдельный, искренний интерес к тому, что происходит в советском обществе на путях перестройки. Он свидетельствует о признании роли нашей страны в современном мире. А для нас с вами это еще одно напоминание о том, что чем успешнее мы будем вести революционное дело перестройки, тем успешнее пойдут дела и на международной арене.

Такова сегодняшняя реальная ситуация, такова диалектика мирового развития, еще одно свидетельство взаимосвязанности и целостности современного мира при всем его разнообразии и противоречивости. Это мы с вами должны хорошо понимать, иметь в виду, когда решаем конкретные, практические задачи в любом городе, в любой деревне, в каждом трудовом коллективе и в целом в стране.

Позвольте высказать слова признательности советским людям за нарастающий вклад в перестройку, за ответ делом на призыв партии к революционному обновлению общества, за активное участие в начавшихся преобразованиях, за поддержку усилий Центрального Комитета и правительства в борьбе за утверждение мира. Без всего этого не было бы успеха на прошедших переговорах, да и сами они едва ли могли состояться.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР РУССКОГО ИЗДАНИЯ
Т. Ю. СОЛОВЬЕВА-МАМЕДОВА

Адрес русской редакции: 119847, ГСП-3, Москва, Г-21, Зубовский бульвар, 17, т.: 247-18-40

Ордена Трудового Красного Знамени Калининский полиграфический комбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Зак. 1748.
Цветная вкладка отпечатана во Франции.

